

Таня Гроттер и молот Перуна

Автор:

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и молот Перуна

Дмитрий Александрович Емец

Таня Гроттер #6

Кто-то ночь за ночью нарушает магическую защиту Буяна, выбивая на непроницаемом куполе загадочные символы. Одновременно с этим Гробыня лишается магических способностей и вынуждена вернуться к лопухоидам, Гуня Гломов теряет свою необыкновенную силу, Катя Лоткова – красоту. В Тибидохсе происходит что-то непонятное... А жизнь между тем не стоит на месте. Пипа Дурнева, у которой обнаружилась интуитивная магия, попадает в высшую школу магии. Таня Гроттер испытывает на себе действие магии вуду и влюбляется в Пуппера. А команде Тибидохса по драконболу предстоит сразиться со сборной вечности, куда входят наиизвестнейшие игроки всех времен и народов, среди которых сам...

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и молот Перуна

© Емец Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

Pipa the Terrible

Хроника январского утра

Квартира Дурневых. Где-то на грани между поверхностным сном и глубоким маразмом.

6.50. За окном тоскливая зимняя темно-синь.

6.51. Шпингалет отщелкивается сам собой. Дверь лоджии распахивается. Стекла в рамах дребезжат нечто нескончаемо виртуозное в духе Листа.

6.52. Пипе Дурневой становится холодно. Ее не в меру упитанная нога с помидорного цвета пяткой втягивается под одеяло.

6.53–6.57. По комнате кто-то крадучись ходит, спотыкаясь о золотых тигров и не золотых, зато добросовестно выпотрошенных ятаганом плюшевых медведей. По стене прыгает ломкая тень, сжимающая в руке нечто зловещее, похожее на копьё македонских непобедимых фаланг...

6.57. Пипа Дурнева начинает испытывать смутное беспокойство, но ленится открыть глаза и лишь глубже зарывается в подушку.

7.00. Пипу точно трубный глас настигает назойливый писк электронного будильника. Она свешивает ноги с кровати, озирается, видит темную фигуру, всматривается, а спустя мгновение парадную тишину правительственного дома раскалывает жуткий крик.

7.01. Вспыхивает свет – бросаясь к двери, Пипа полуосознанно цепляет рукой выключатель. Неопределенность ночи уступает хмурой определенности утра.

* * *

Из коридора Пипа опять оглянулась, и ее нечеловеческий вопль перешел в удивленный и даже восторженный взвизг.

На краю дивана, попиравшего дубовый паркет кривоватыми, но благонадежными черными ножками, сидел Гурий Пуппер. Он выглядел подавленным. На носу у него красовались подклеенные скотчем очки – номер первый из уникальной пупперовской коллекции поломанных очков. Длинная метла стояла в углу, подтекая тающим снегом.

Приседая от любопытства, Пипа вернулась в комнату и поспешно юркнула под одеяло. Она не хотела, чтобы у Пуппера была возможность созерцать ее пижаму. Это была агитационно-предвыборная фланелевая пижама, украшенная портретом ее папочки и лозунгом «Загрызу за гуманность!» на спине.

Но Гурию было не до пижамы. Он страдал. Нижняя челюсть у него тряслась. Взгляд дико блуждал по стене, спотыкаясь о пестрый рисунок обоев.

– Это конец! Она меня бросила! – тоскливо сказал Гурий.

Кося лиловым глазом, Пипа сочувственно выглянула из-под одеяла.

– Это навсегда, я знаю! Моя тетя, которая снится магвокатам, была права: нам не быть вместе! – еще надрывнее произнес Пуппер.

Холодная капля туманного происхождения скользнула вдоль благородного английского носа, запуталась в носогубной складке и упала Пипе на ногу.

Пипа сглотнула. Она с утра неважно владела голосом.

– Бедный! Кто бросил-то? – спросила она хрипло.

– Татьяна... Твоя sister. Она перевернуться к свой старый бойфренд! – воскликнул Пуппер, от огорчения теряя все русские падежи и склонения.

– А кто у нее бойфренд? – жадно спросила Пипа, равнодушная к такого рода подробностям.

– О, я он почти не знай! У него кошмарный русский фамилий! Вайлялькин! Джон Вайлялькин! – с омерзением выговорил Гурий и уронил голову на руки.

«Ишь ты, новый какой-то! Видать, того щекастого с пылесосом она тоже продинамила! Вот бы не подумала, что занюханная Гроттерша окажется подобной стервой!» – подумав, заключила Пипа.

В устах Пипы, как и в устах ее мамочки, слово «стерва» звучало почти как похвала. Это было несомненное признание достоинств.

– Вайлялькин – есть увалень. Он не стоит один палец Таня... Он околдовал ее магией вуду и теперь разобьет ей жизнь. Он будет пить vodka, а ее заставит целовать слюнявый старикашка, чтобы получать за это дырки от бублик, – убежденно заявил Пуппер.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Пипа.

– Мне рассказал об этом тетя Настурция! Она изучал психологию. Ее диссертация называться «Мир как большой помойка». Она читал мне ее перед сном, когда я был чайлд, – убито сказал Пуппер.

Он то затухал, впадая в бездну уныния, то, как проснувшийся вулкан, начинал извергать укоры и проклятия. Неглупая Пипа сообразила, что Гурий может теперь пребывать в таком настроении до бесконечности.

«Интересно, а ко мне он чего прилетел? На Гроттершу жаловаться? Что ж, от слез в жилетку до новой любви один шаг!» – цинично решила про себя Пипа, маскируя зевок под очаровательнейшую из улыбок.

Пуппер ничего не заметил. Улыбка улетела в молоко.

– Вайлялькин просто деревенщин! Он не следит за свой внешний вид! От его кошмарный желтый тряпка пахнуть гарпий! Как Таня могла выбрать его по добрый воля и с трезвый голова! – сказал Гурий.

– Прямо в самую точку!.. Умничка, Гурий! Но, строго между нами, у Таньки никогда не было вкуса. Я ей, например, никогда не нравилась, – промурлыкала

Пипа.

Пуппер задумчиво потер пальцем свой шрамик в форме копирайта и вновь затух. Довольная Пипа осознала, что попала в цель, подтвердив скрытые опасения Гурия. Теперь стоило только выждать время, когда яд ее слов начнет положительно действовать на мозги англичанина.

Забившись поглубже под одеяло, дочка Дурнева достала из-под подушки зацелованный портрет Гэ Пэ и стала придирчиво сравнивать его с оригиналом. Пока она сравнивала, оригинал вздыхал и, страдая, грыз ногти. На подбородке и щеках у Гурия пробивалась колючая, явно не раз уже тронутая бритвой щетина, которую журналисты упорно именовали юношеским пушком. М-да, как ни крути, мальчик подросток – неудивительно, что его все время тянуло жениться.

Спустя минуту Пипа окончательно утвердилась во мнении, что актер, играющий Гэ Пэ в кино, безусловно, симпатичнее. Однако этот Пуппер выгодно отличался от того Гэ Пэ уже тем, что был настоящим. В том, киношном, магии было не больше, чем в банке из-под обувного крема.

«С клиентом все ясно! Будем брать тепленьким!» – заключила Пипа и небрежно сунула фото под подушку. Фотография утратила свою ценность. Дурнева-младшая нацелилась на оригинал.

– Гурий, – заворковала она, – давай поговорим серьезно! Зачем тебе Гроттерша? Она черствая, как подошва!.. Тебе нужен кто-то, кто понимает твой сложный внутренний мир: метлы, драконбол, комиксы, конфетки с запахом тухлых сливок! И потом, тебе уже семнадцать! Где этой тупой тибидохской хамке удовлетворить твои интеллектуальные запросы? Да она даже дезодорантом пользоваться не умеет! Я не рассказывала тебе, как она брызнула дезодорантом на волосы, перепутав его с лаком?

Пипа замолкла и зыркнула на Пуппера, проверяя, потрясло ли его это сообщение.

Но едва ли Гурий даже слышал ее. Его сознание совершало свой собственный забег. Внезапно он вскочил. В глазах у него запылал демонический огонь, свидетельствующий то ли о наличии в роду темных магов, то ли о богатой

фосфором рыбной диете.

– Я понял! Я вызову его на дуэль! Пуф-пуф из кольца – и нет Джон Вайлялькин! – крикнул он страшным голосом.

Это чудо, что Дурневы не проснулись ни теперь, ни прежде, когда вопила Пипа. Должно быть, это заслуга ватных затычек Германа Никитича и наушников его супруги.

С этими наушниками была отдельная история. Не так давно мадам Дурнева купила звуковой гипнокурс «Похудей с музыкой». Всю ночь в наушниках у нее переливался инструментал, на фоне которого убеждающий мужской голос страстно нашептывал с частотой четыреста слов в минуту: «Какая у тебя чудесная фигура, дорогая! Я ненавиж-жу мучное... Я ненавиж-жу жиры и углеводы! Меня тошнит от котлет!» По утрам загипнотизированная Нинель Дурнева сильно задумывалась, прежде чем вонзить вилку в первую за день индейку. Ее била нервная дрожь. Как-то ей почудилось, что курица в бульоне укоризненно шевельнула ножкой, будто пыталась сказать: «За что? Куда мы все катимся!» Мадам даже стала поститься с обеда до полдника, чего прежде с ней никогда не случалось.

– Берегись, Джон Вайлялькин, колдун-вуду! Я буду испепелять тебя в пух и прах!!! Мое кольцо не ведать промах! – снова крикнул Пуппер.

Откликаясь на его призыв, такса Полтора Километра завывала из-под дивана. Из дальней комнаты ей немедленно откликнулся Халявий. Да-да, именно Халявий... Оборотень не пожелал возвращаться в Трансильванию даже после утраты посоха. В мире лопухоидов ему нравилось куда больше. Внучок бабы Рюхи даже вознамерился устроить личную жизнь и требовал у Германа Никитича, чтобы тот дал в газету объявление:

Мужчина редкой, запоминающейся внешности и уникальных нравственных качеств желает познакомиться с полнокровной женщиной средних лет для совместных прогулок под луной. Звонить по телефону 8-916-XXX-XX-XX, кр. полнолуний и полудня.

Особенно Халявий гордился тем, что в объявлении не содержалось ни капли лжи. Внешность у него действительно была запоминающейся, а нравственные качества – уникальными. Что же касается полнолуний и полдня...

– В полнолуние я того... загрызть ненароком могу. В полдень же у меня крыша едет, – смущенно пояснял Халявий.

«Он меня даже не слышал!» – огорченно подумала Пипа, разглядывая Пуппера, который продолжал бросать вызов Ваньке с такой энергией, словно Валялкин прятался в шкафу и наотрез отказывался выходить.

Пенелопа энергично отбросила одеяло, вскочила и почти насильно принялась гладить развоевавшегося Пуппера по жестким темным волосам. Удивленный Гурий отпрянул было, но внезапно обмяк и, вздрагивая спиной, уткнулся лбом ей в плечо. Для этого ему пришлось основательно ссутулиться. Пипа была на полторы головы ниже, зато вдвое шире Гурия. Руки и лоб у англичанина были холодными и влажноватыми, как у русалки, зато Пипа обжигала, как масляный радиатор.

В целом эта парочка могла напомнить чету Дурневых, а заодно навести кое-кого на кое-какие мысли.

«О-о! Птичка уже на насесте!» – обрадовалась Пипа, прекращая тревожиться из-за пижамы. Пупперу было явно не до этого.

Пипа уже торжествовала, но тут Гурий отстранился и с ударением на последний слог деловито окликнул:

– Пипа!

Дочка председателя В.А.М.П.И.Р. вздрогнула. Она не привыкла к такой переделке своего имени на французский лад.

– Пипа, я хочу попросить у тебя что-нибудь из детских вещей Тани!

– Зачем? – неприязненно спросила Пипа.

– Я очень прошу! Хотя бы что-то незначительное!

– Я что, похожа на свинью-копилку? Станем мы всякое барахло хранить! Мамуля Танькино шмотье сто лет назад вышвырнула, – огрызнулась расстроенная Пипа.

– Вдруг остался хоть что-то! Подойдет любой вещь... Это поможет мне перенести разлук, – напирал Гурий. В нем, как во многих иностранцах, наивность удивительным образом сочеталась с практичностью, а сентиментальность с расчетом.

Пипа закусила губу. Ей стало ясно, зачем на самом деле Гурий повторно явился в Москву в пятый день нового года. Жилетка жилеткой, а дело делом – очень здоровый подход. Мальчик со счетом в банке отлично знал, что ему нужно.

– Пипа, я тебя умолят! Я так несчастный! Хоть какой-нибудь слюнявчик, хоть бутылочка, хоть погремушка! – вновь взмолился Пуппер.

Дочка Германа Никитича скрестила на груди руки.

– Вот уж не думала, что великого Гурия Пуппера можно осчастливить погремушкой!.. Да пожалуйста! Если что найдем – все твое! – произнесла она с холодностью холодильника «Бош».

Отвернувшись, Пипа рывком открыла шкаф и сердито принялась рыться в вещах. Заламывая руки, Пуппер раздражающе маячил у нее за спиной. После продолжительных и безрезультатных поисков Пипа догадалась встать на стул и заглянуть на верхнюю полку, где мать хранила всевозможные семейные реликвии: крошечные ботинки, в которых Пипа когда-то сделала первый шаг, ее первую панамку и жвачку «Сладкий цемент» с навеки застрявшим в ней первым молочным зубом Пипы. И вот тут... тут Пипе улыбнулось счастье. Она оглянулась на Пуппера, быстро скользнула взглядом по его лицу и, пожав плечами, сказала:

– Тебе не повезло. Слюнявчики закончились. Зато есть ползунки... Сойдет?

– Yes! – взволнованно ответил Пуппер.

– Чудненько. Тогда лови! – скомандовала Дурнева-младшая, бросая Гурию ползунки, украшенные божьими коровками.

Гурий подпрыгнул и с ловкостью профессионального драконболиста перехватил ползунки в воздухе. Его лицо моментально стало героическим, плечи распрямились, даже подбородок укрупнился, отвердел и приобрел мужественную ямку.

– Ну, Джон Вайлялькин, не ты один можешь использовать магию вуду! Знай же, я верну себе Таню, хочешь ты того или нет! – воскликнул он, потрясая ползунками.

Скомканно и невнимательно попрощавшись с Пипой, Гурий уже отправился за метлой, но тут... тут такса Полтора Километра внезапно визгливо залаяла на окно. Она поджала хвост и, стуча когтями по паркету, целеустремленно побежала прятаться под диван. Пипа с тревогой проводила ее взглядом. Она знала, что старая калоша никогда не паникует почему зря.

Дверь на лоджию распахнулась, впуслав морозный воздух. В комнату, спрыгнув с ковриков, ворвались два магнотизера. Один был приземистый и рыхлый, с сальными волосами. У другого, молодого и вертлявого, по всем признакам – большого ловеласа, к щеке была зачем-то приклеена бумажка. У них за спиной, перебирая на животе четки, завис на метле магвокат. Его большое горбоносое лицо, казалось, выражало крайнее благородство, однако в глазках явно проглядывало что-то ханжеское и лукавое.

– Уф, свава Двевниву! Вот ты где, Гувий! Как тебе не стыдно? Ну и заставив же ты нас пововноваться! – добродушно сказал магвокат, грозя Пупперу тонким пальцем.

– Проклятье, они меня выследили! Это Хадсон, наш семейный магвокат! – шепнул Гурий оцепеневшей Пипе и быстро спрятал руки с ползунками за спину. – Я не звал вас, Хадсон! Летите откуда прилетели! – громко сказал он.

– Ах, Гувий, когда же ты певестанешь быть вебенком?.. Нас послали твои тети: тетя Настувция и двугая тетя, чья добвота не знает гваниц. Они так ствадают... Тетя Настувция даже певестава спать посве завтвака. Она купива ядовитых чевнив и пишет ваботу «Чевная небвагодавность и ее вовь в воспитании

ВИЧНОСТИ».

– Нет!

– Да, Гувий, да... Боюсь, тебе пвидется пвойти с нами! Будь мувчиной и имей мувество взгвянуть в гваза тетям!.. Вучше, есви мы обойдемся без насивия, – мягко, но настойчиво произнес магвокат.

Он скользнул по Пипе оценивающим взглядом и сразу потерял к ней интерес. Лопухоиды мало его интересовали.

– Ни за что! В этом мире вы не имеете права применять боевую магию! – пятась, заупрямился Пуппер.

– ГУВИЙ! Не заставляй меня севдиться! Повевь, мы обойдемся и без боевой магии! – повысил голос магвокат, подавая знак магнетизерам.

Пуппер рванулся было к метле, но магнотизеры оказались проворнее. Сомкнувшись вокруг Гурия, они вежливо, но очень крепко подхватили его под руки.

– Смотри нам в глаза, маленький сладенький Пупперчик! Расслабься, для тебя ничего не интересно! Мальчик хочет домой к тете Настурции и к другой тете, чья гуманность велика как океан, а великодушие громаднее слона... – поигрывая стеклянными шарами, заныли магнотизеры.

Магвокат снисходительно погладил Гурия по щеке.

– Двуг мой! Повевь, так будет вучше двя тебя! Небовьшая коввекция памяти, и ты снова наш – мивый, пведсказуемый Пуппевчик, квоткий, какдохвый бавашек! – сладко сказал магвокат.

– НЕЕЕЕЕЕТ!

Пуппер из последних сил лягнул в голень одного магнотизера, оттолкнул другого и, ослабевая от гипноза, рухнул на ковер.

– Не отдавай меня, Пипа! Я не хочу забывать Таню, не хочу забывать тебя, не хочу к противным теткам! – взмолился он, простирая руки к Пипе.

Дурнева-младшая, не совсем еще опомнившаяся после внезапного появления у нее в комнате трех взрослых мужчин, собралась с духом и шагнула вперед.

– Не вмешивайся, двянь, или пожавеешь! Я запвосто смогу пвевватить тебя в мовскую свинку! – прошипел магвокат. Зрачки в его добрых прежде глазках исчезли. Теперь там полыхало адское пламя.

Пенелопа отпрянула.

– Пипа, ради меня! Я знаю, я тебе дорог! – вновь взмолился Гурий.

Он титаническим усилием попытался встать, но смог лишь со стоном приподняться на руках. Глаза Пуппера слипались – гипнотическая магия уже сделала свое дело. Торжествующие магнотизеры наклонились, собираясь поднять Гурия и погрузить его на ковер-самолет. Молодой магнотизер с бумажкой уже заботливо смахивал с ковра снег, чтобы Пуппер, не дай Древнир, не простудился бы и не огорчил этим своих тетъ.

Пипа решила. Вся ее любовь, все поцелуи, которыми она несколько лет покрывала рамку с фотографией, – все алкало теперь возмездия.

– Держись, Гэ Пэ! Я иду! – крикнула она, в решительнейшую из минут прибегнув к этому любимому и более привычному для нее имени.

В блестящем прыжке лосося, аналоги которому можно было отыскать разве что в ирландских сагах, Пипа вцепилась в руку Гурия и дернула его на себя. Точно так же ее мама Нинель однажды отвоевала папу Германа у его секретарши, которая имела фигуру богини и глаза персидской кошки. У Нинели не было ни фигуры, ни соответствующих глаз, но Герман – потрепанный, но живой, остался в полной ее власти. Секретарша же – гм... впрочем, сдержусь. Хотя это и не тот случай, когда о людях говорят или хорошо, или ничего.

От неожиданности магнотизеры отпустили было Гурия, но почти сразу, опомнившись, ухватили его за ноги и потянули к себе.

– Это что еще за фокусы? Конкувенты? Пвочь отсюда, девчонка! – брезгливо сказал Хадсон и с нехорошей улыбкой поднял руку, явно припоминая заклинание.

Пипа ощутила, как влажная ладонь Пуппера выскользывает у нее из руки. У нее не хватало сил удерживать ее. Все-таки два взрослых магнотизера и магвокат были сильнее четырнадцатилетней девчонки.

– Гэ Пэ, нет, Гэ Пэ! Ты мой! А вы пошли прочь, пока я вас не уколошила! – со слезами крикнула Пипа.

Из последних сил она вцепилась в ускользающую руку Пуппера. Магнотизеры хладнокровно дернули Гурия на себя и стали деловито укладывать его на коврик. Пипа стиснула уже пустую ладонь и внезапно ощутила в ней что-то твердое и прохладное. Соскользнувший с пальца перстень Пуппера, перстень Гэ Пэ!

Голова у Пипы закружилась. В груди, точно девятый вал с картины Айвазовского, поднялся гнев. Она с трудом стояла на ногах, ощущая, как внутри у нее зарождается какая-то неведомая сила. Сила такая могучая, что Пипу распирало изнутри.

– Парус спускалус! – крикнул магвокат Хадсон, первым заподозривший неладное.

Красная искра помчалась к Пипе. Но дочка дяди Германа увидела почему-то не искру, а четыре скрещенные молнии. Не задумываясь, что и зачем она делает, Пенелопа мысленно свернула их и отбросила в сторону. А потом, выбросив кулак со сжатым в нем кольцом, крикнула страшным голосом:

– А вы все прочь! Проваливайте на кудыкины горы собирать помидоры! Мой сладкий Гэ Пэ! Никому его не отдам!

И что-то такое грозное появилось в ее голосе, что даже наглые магнетизеры пугливо отпрянули, впервые в жизни испугавшись четырнадцатилетней девчонки. Один из них даже уронил стеклянный шар. Хадсон уставился на свой перстень и потряс его, не понимая, почему не сработало заклинание.

– Что ты сдевава с моей магией? Ах ты, уводина! – удивленно и вместе с тем испуганно воскликнул он.

Пипа окончательно взбесилась. К своей внешности она относилась трепетно. Можно даже сказать, болезненно. Магвокат со своим презрением к лопухоидам переступил ту грань, которую переступать было никак нельзя.

– ВОО-О-Н! ПРОЧЬ, КОМУ СКАЗАЛА! Убирайтесь к вашим теткам! – завизжала дочка председателя В.А.М.П.И.Р.

Раздувшийся черный кокон ненависти, накопившийся у Пенелопы к похитителям «сладкого Гэ Пэ», лопнул. Из стиснутого кулака дочки дяди Германа вырвался красный луч, ослепительный, как прожектор на маяке. Оба магнетизера и магвокат не успели отпрянуть.

– О Двевнив, нет! Она нас убьет! – успел только крикнуть Хадсон.

А еще мгновение спустя на полу остался лишь ковер-самолет с погруженным на него Пуппером, три вороха одежды и вставная челюсть мистера Хадсона.

Гурий рывком сел. Он выглядел ничуть не менее напуганным, чем мистер Хадсон за секунду до своего исчезновения.

– Нет, Пипа, хватит! Прошу тебя, достаточно! Больше не надо! – крикнул Гурий в ужасе.

Пипа очнулась. Ее ладонь разжалась. Кольцо выкатилось на пол. Пуппер поднялся с коврика и дико уставился на Пипу. Потом вдруг расхохотался, да так, что замотанные скотчем очки подсакивали у него на переносице.

– Колоссально!!! Ты владеешь интуитивной черной магией! Сколько же ее в тебе, если ты обошла без заклинаний! – воскликнул он.

– Чего? – недоуменно переспросила Пипа.

– Да-да... Разумеется, я слышал, что магия может пробудиться в лопухоиде или в том, кого считали лопухоидом, в любом возрасте, но чтобы с такой силой!

В чародейской практике таких случаев one-two и обчелся – их заносят в справочники, они становятся легендой! – продолжал восхищаться Пуппер.

Пенелопа посмотрела на свою нелепую пижаму, пошевелила большими пальцами ног и хмыкнула.

– Я владею черной магией? – спросила она хрипло.

– А чем же ты их снесла? Не праздничным же пирогом? Ты сама хоть что-то ощутила?

– Не-а... Я возмущилась, а потом вроде как вижу перед глазами четыре серебристые молнии. Я их мысленно сплела и отбросила. Типа, нечего тут сорить, не у себя дома, – неохотно буркнула Пипа.

– Ого! Ты отразила атакующую магию Хадсона, а потом выбросила хаотическую магическую волну невероятной мощи. Вон смотри, на обоях вместо цветочков появились гильотинки! Несчастные магнотизеры!

– Я их испепелила? – встревожилась Пипа.

Пуппер снова принялся хохотать:

– О нет, к счастью! Хотя могла бы и испепелить! Ты крикнула «убирайтесь к вашим теткам!». Я уверен, для интуитивной магии это прозвучать как сигнал к телепортации. Бедняга Хадсон!.. Если бы он тебя не разозлил, возможно, магия в тебе и не пробудилась бы... А тут еще мое кольцо! Хадсон! Для такой специалист сесть в такой глубокий луж! Воображаю, что будет, когда он появится перед тетей Настурцией в чем его родила мать! Перед тетей Настурцией, которая даже душ принимает в водолажном костюме!.. Ну-ка посмотрим!

Гурий взял метлу и разгреб ее черенком ворох одежды.

– Вон и противосглазовые жилетки валяются – ничего не помогло. А ведь ты не знаешь ни одного заклинания! О Пипа! You are wonderful! Если бы не ты, меня точно упекли бы к теткам, а так пускай еще поймают! Я, конечно, вернусь к ним,

но вернусь победителем, а это большая разница! До встречи, Пипа! Я так тебе благодарен! – сказал он, подбирая с пола свое кольцо.

Гурий попрощался, на этот раз очень тепло, благодарно клюнул влажными губами Пипу в щеку и улетел на метле, прижимая к сердцу ползунки с божьими коровками.

– О Таня! Таня! Ты будешь моей! Я ощущаю твое биополе, такое горячее, такое родное! – шептал он, думая уже совсем о другом.

Пипа стояла у окна, провожая Гурия растроганным взглядом и ощущая на щеке его поцелуй. Внезапно дочка дяди Германа хихикнула, крайне довольная.

Наивный Пуппер! Неужели он думал, что мамуля стала бы держать у себя дома ползунки жалкой Гроттерши? Разумеется, Пипа впихнула ему свои!

Глава 2

Сногшибательная магвость

Таня Гроттер сидела за самым дальним столиком библиотеки джинна Абдуллы. Ощущая ее огорчение, столик то и дело подпрыгивал и подгибал одну из ломких ножек. По слухам, все столики в библиотеке были заколдованными принцами, некогда неудачно попытавшимися вступить в брак с царевной Несмеяной. Учитывая, что упомянутая царевна давно почила (смерть ее была нелепа: впервые в жизни расхохотавшись, она подавилась крошками), принцев стоило бы расколдовать и отпустить восвояси, однако корыстный Абдулла тянул резину и, утверждая, что библиотека останется без мебели, зажилил с дюжину столиков.

Перед Таней на столике лежало ее письмо к академику Сарданапалу, в котором она просила перевести ее на белое отделение. Письмо только что доставил ей в зубах сердитый золотой сфинкс. Внизу письма помещалась резолюция пожизненно-посмертного главы Тибидохса. Размашистые, со старомодными завитками буквы, покачивающиеся точно волны, сообщали: «Преждевременно.

Черноморов».

– Ну и ладно! Подумаешь, беленькие! Не очень-то и хотелось! Зелененькие искры пускают, великих ученых из себя корчат! – громко сказала Таня.

Подпись Сарданапала щепетильно вильнула росчерком и растаяла. Таня хмыкнула. Она добилась того, к чему стремилась: продемонстрировала академику, что ничуть не огорчена. Вот только стало ли ей от этого легче?

В Тибидохсе заканчивалась первая неделя зимних каникул. Каникулы, как казалось Тане, выдались на редкость бестолковыми. Даже новогодние подарки не радовали. Ванька продолжал на нее дуться. Нет, внешне все было как будто в порядке – он здоровался, порой даже улыбался, но внутренне – Таня это ощущала особенно остро – до сих пор не простил ее.

Таня вертела в руках перо: самое заурядное, почти не магическое, перо Финиста – Ясного сокола. Такими перьями пользовались многие. Их с легкостью можно было обнаружить по всему Тибидохсу. Финист – Ясный сокол не искал легких путей. Он предпочитал пролетать сквозь стекла, а то и сквозь ножи, даже если поблизости, всего этажом выше, было открытое окно. Кстати, в чью светлицу он летал, до сих пор не выяснили. Некоторые смутно намекали на Медузию, некоторые, более тактичные, – на какую-то таинственную девицу, заточенную где-то в тибидохских лабиринтах.

И все равно Таня упорно прибегала к неудобному перу Финиста, хотя прежнее перо Жар-птица снова было у нее. Ванька вернул его, но Таня просто не могла к нему притронуться – перо напоминало ей о собственной глупости.

Так мне и надо! – быстро писала она в своем дневнике. – Единственный раз мне повезло, а я просто-напросто побоялась быть счастливой. Подозревала его, каждую секунду, ожидала беды – и вот оно! Почему я не ценила то, что есть? Или это Дурневы научили меня жить все время в напряжении, видеть во всем только плохое и ожидать подвоха? Хотя при чем тут они? Я сама во всем виновата! Вот и сейчас – каникулы, а я как дура сижу в библиотеке и словно наказываю себя за что-то! Когда же я наконец смогу расслабиться и перестану себя грызть?

А теперь вот Зализина вертится вокруг Ваньки – вся такая насквозь проблемная, несчастненькая. Все у нее наперекосяк – и без Ваньки, само собой, никуда. То у нее кукушка лапку подвернет, то ей снится какой-то зловещий молот, то вдруг шкаф развалится. И, разумеется, надо сразу к Ваньке бежать – Ванечка то, Ванечка се! Нет, я ничего, мне просто интересно – каким заклинанием Зализина ухитрилась разнести шкаф? А если мне тоже переломать всю мебель, чтобы все увидели, как я страдаю? Ну вот, я опять на нее злюсь, а это глупо!

Но как я могу не злиться: я ведь Ваньку знаю как облупленного! Ему лишь бы кого-нибудь пожалеть. Вначале он жалеет, а потом постепенно привязывается и вроде как взваливает на себя ответственность. Может, он и меня тогда жалел из-за этого дурацкого талисмана на носу, а не любил по-настоящему? Вот, опять я начинаю подозревать – да что же это такое?!

Счастлив не тот человек, у которого есть для этого основания, а тот, у кого достаточно жизнелюбия, чтобы радоваться всему, что с ним происходит, и не напрягаться каждую секунду, ожидая удара в спину. Такой человек словно изнутри светится! Весь мир для него – даже если у него в кошельке вместо денег одни дохлые мухи да крошки от хлеба!

Ладно, постараюсь думать о чем-нибудь приятном. Буду радоваться каждому мгновению жизни, и все дела. В конце концов, мне скоро четырнадцать – двадцать пятого января... Между тринадцатью и четырнадцатью огромная разница. Вдруг у меня сейчас потому все не ладится, что теперь мне чертова дюжина, а как будет четырнадцать, так вдруг и повалит, а? Интересно, что мне подарят? Может, хоть немного счастья!

Ну все, пора заговаривать дневник, пока кто-нибудь не прочитал, что я тут пишу. Пяткус куропаткус.

Таня отложила перо и, разминая пальцы, огляделась. В библиотеке у джинна, несмотря на каникулы, кипела жизнь. Первокурсники и второкурсники жались по углам – они были маленькие, забавные и одновременно страшно важные. Тане не верилось, что она сама не так давно была такой. Некоторые шептались, писали друг другу записочки, рисовали карикатуры на преподавателей или сидели красные, как помидоры, толкая друг друга локтями и едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. В библиотеке не полагалось громко

смеяться, а младшекурсникам всегда почему-то особенно сильно хочется сделать то, чего ни в коем случае делать нельзя.

Другие, более серьезные, морща от напряжения лбы, учили простенькие заклинания вроде «Дрыгус-брыгус» или «Хап-цап», пытаюсь добиться синхронизации заклинания и искры. Это не так уж просто, если разобраться. Секундой раньше или секундой позже – и все пойдет насмарку.

Пятикурсники, эта элита высшей школы, ходили гордые и надутые, обращая на первые четыре курса внимания меньше, чем на нежить. Нежить была нужна им хотя бы для опытов, от младшекурсников же вообще не было никакого проку. Во втором семестре пятикурсники уже не учились. Перед выпуском им предстояло написание диплома. Разумеется, это следовало делать уже сейчас, но большинство, как водится, тянули до последнего момента.

Самые хитрые и ленивые, преимущественно из черных магов, еще с конца осени начинали осаждать джинна Абдулла. Они приносили ему подарки и умоляли дать им уже готовый диплом из защищавшихся в прошлые годы. Сохраняя таинственность, джинн отмалчивался, и лишь бородавки задумчиво дрейфовали, точно сухарики в бульоне, со щеки на лоб и со лба на подбородок. Несимметричные глаза неуловимо скрывались под полузакрытыми веками.

Вдоволь насладившись мучениями бедного тугодума, Абдулла назначал час – обычно поздним вечером, когда в библиотеке никого уже не оставалось, кроме него и просителя. Джинн зажигал витуую свечу самого мрачного и подозрительного вида и произносил заклинание – по его меркам небольшое, всего-то в сто строф рифмованных проклятий. По мере того как строфы сменяли одна другую, пол в библиотеке начинал дрожать. Плиты разъезжались, и нерадивый выпускник, сердце у которого колотилось точно у пойманного воробья, видел начало длинной лестницы, уходившей в темноту. Абдулла точно призрак отрывался от пола и медленно плыл вдоль лестницы, маня пятикурсника за собой.

Там, в огромном сухом подвале под библиотекой десятью рядами стояли тысячи гробов. Джинн, в руке у которого дрожал желтоватый свечной огонек, нехорошо улыбался, обозревая свое хозяйство. Затем он подплывал к ближайшему гробу и постукивал по гулкой крышке.

– Хороший диплом – это прежде всего хорошо отлежавшийся диплом!..
Не так ли, юноша? Нервы-то крепкие, а то, может, в сторонку отойдете? – ехидно спрашивал он.

Неуспевающего студента начинала бить нервная дрожь. Он бледнел, синел, но отважно оставался на месте.

– И носик не зажмете? Ну ладно!

Абдулла выжидал, наслаждался эффектом и принимался деловито откидывать крышки. Студент, уже полуживой, с облегчением переводил дыхание. В гробах аккуратно, корешок к корешку, лежали переплетенные драконьей и змеиной кожей дипломы.

– Тэк-с, те ряды сразу отбросим – там слишком старые, еще до Древнира. Битком набиты запрещенными заклинаниями, хе-хе... Здесь дипломы по нежитеведению с 1789 по 1801 год. Их лучше не использовать – там полно пометок Медузии, к тому же не было случая, чтоб она чего-то забыла... В том черном гробике с кистями – дипломы по снятию сглаза с 1607-го по 1659-й. С Зуби еще можно иметь дело, к теории она не придирается, хотя уж больно практику любит. Сглазит кого по теме диплома тройным сглазом – поди выкрутись! А ведь такие случаются лентяи – перекачают, а прочесть свой диплом толком не прочтут!.. Одного Зуби в свинью превратила, так потом всей школой шпик ели – а что делать, раз дохрюкался? Обратного-то уж никак, если три раза с заклинанием ошибся...

Джинн коварно улыбался, что выглядело особенно зловеще, так как рот успевал переползти на лоб, а то и на бритую макушку.

– Поехали дальше! Там вон, в большом дубовом, практическая магия за семьсот лет. И еще место осталось – мало было желающих Клоппу сдавать... Не трогай доски – все проклято!.. Ах, как мне не хватает профессора Зигмунда! Того недомерка, что сейчас откликается на его имя, я в расчет не беру... Ничтожество, сущее ничтожество, хотя порой и мелькнет в глазенках что-то прежнее. Недавно попросил меня что-то за ним повторить, сущая лабуда, так я потом три часа с потолка соскребался...

Абдулла вздыхал и отплывал все дальше в глубь подвала. Ученик, пугливо оглядываясь на смутно белеющую лестницу, покорно плелся за дрожащим огоньком.

– Вон по теоретической магии семь гробов – у Сарданапала многие защищаются, в основном из беленьких. Он хоть и придирается, и глаза строгие делает, но все знают, что академик всерьез редко заваливает... Вон тот огромный гроб видишь? Подойди, дерни за кисть, смелее! Не получилось? Это потому что кисть призрачная! И гроб, кстати, тоже. Тут по истории Потусторонних Миров дипломы... Да не трясись так: Безглазый Ужас особенно никого не режет, тем более если ухитриться и сдавать ему в полдень. Ближе к полуночи не советую. Тут он не только зарежет, но и зарубит, и просверлит, и кровью забрызгает, хе-хе. И когда он цепями гремит – тоже не советую... Не Ужасу сдаешь, нет?.. Так я почему-то и думал. Тогда дальше пойдём – вон в тех рядах дипломы по ветеринарной магии. Каждый год приходится заводить по новому гробу. Это потому, что Тарабаху легко сдавать. Он никогда не запоминает прежних дипломов, удивляется лишь порой – хе-хе! – однообразию научных мнений. Хоть бы читать научился, а то прямо дурачить совестно!.. Даже мне, хотя я свой стыд еще тысячу лет назад Повелителю джиннов в кости проиграл.

Абдулла ловил на затылке ускользающий нос и возвращал его на место. Подобно большинству джиннов, он был азартный игрок и готов был поставить на кон что угодно. Вот только золото, жабы бородавки, дырки от бубликов и зеленые мозоли интересовали его мало. Сотканным из тумана джиннам это ни к чему. Ставкой в их игре служили исключительно души, любовь, покой, материнская нежность. На них джинны играли охотно, пока Древнир, одержав над ними победу и получив у посрамленного Повелителя джиннов его перстень, не связал всех джиннов навеки нерушимой клятвой.

– Душу в залог не дашь, нет? Ну да ладно, так бери. У вас, черных магов, души – гниль одна, второй сорт. Да что с ними теперь делать, коль ничего нельзя? – вздыхал Абдулла, и лентяй получал-таки заветный диплом.

Однако большинство пятикурсников все же писали дипломы сами, не прибегая к уловкам. Шурасик же, хотя учился только на четвертом курсе, собирался писать сразу пять дипломов – по нежитеведению, теоретической магии, снятию сглаза, истории Потусторонних Миров и ветеринарной магии. Кроме того, он связался с каким-то занудным профессором в Магфорде, у которого, по слухам, после Леонардо да Винчи и Менделеева никто не мог защититься,

и попросил тему и у него.

Удивленный профессор, уверенный, что Шурасик не справится, дал ему тему, название которой едва умещалось на странице и не содержало ни одного понятного нормальному магу слова. Шурасик ухватился за тему с жадностью. У него даже очки запотели от восторга и предвкушения. За полтора месяца вдохновленный Шурасик накатал сто семьдесят страниц введения и написал развернутый план остальных глав, читая который маститый профессор тоже ничего не понял.

В результате родственные души нашли друг друга, и Шурасику уже сейчас, за полтора года до окончания, поступило приглашение из магспирантуры Магфорда. Как было принято в Магфорде, оно было выбито на куске гранита, который из-за его немислимой тяжести посменно тащили через океан две команды по двенадцать купидонов.

Кстати, левым грузом те же бойкие купидоны захватили для Тани письмо от Пуппера и корзину роз. Расстроенный Гурий, покинувший Тибидохс еще первого числа, ни с кем не попрощавшись и даже не оставшись на торжественный обед, ни словом теперь не упоминал об этом.

Он в выпренной манере информировал Таню, что любит ее как и прежде и что абсолютно убежден в том, что скоро они будут вместе. У Тани письмо Пуппера оставило двойственное и тревожное ощущение. С одной стороны, ей льстило, что Гурий не забыл ее. С другой же – было похоже, что Пуппер что-то задумал и теперь настойчиво идет к своей цели.

«Ах, Пуппер, Пуппер! И хорош ты, и пригож, и метла у тебя красивая... Да только ты не Ванька, и этим все сказано!» – подумала Таня.

* * *

Перед обедом Таня слетала проведать Гоярына. Оставив контрабас у входа в ангар, она толкнула тяжелые ворота. Никто из джиннов-драконоухов ей не встретился. Тибидохский дракон был в глубокой спячке. Свернувшись, он лежал на заговоренной от огня соломе. Снаружи его чешуя была покрыта льдом. Таню это не испугало. Она знала, что в состоянии глубокой спячки огонь в драконах полностью потухает. Температура их тела снижается, и они долгие недели, месяцы, а в исключительных случаях и столетия могут неподвижно

лежать под снегом, больше напоминая ледяные глыбы, чем пышущих испепеляющим жаром ящеров. И лишь весной, когда проглядывает солнце, холодная кровь драконов постепенно разогревается.

Таня погладила Гоярына по носу, всегда напоминавшему ей футляр контрабаса.

– Не скучай, старый чемодан! Пусть тебе снятся всякие занятные сны, такие же скрипучие, как ты сам! До весны! – сказала она.

Таня уже выходила из ангара, когда Гоярын шевельнулся во сне и приоткрыл глаза. Лед на его шее покрылся сетью трещин. До конца не просыпаясь, дракон глубоко вздохнул и вновь положил тяжелую морду на солому.

Таня закрыла ангарные ворота. Огромное драконбольное поле покрывал глубокий снег. По насту к Заповедной Роще пробежала веселая дорожка заячьих следов. Было безветренно и солнечно. Небо, обычно низкое, очистилось и было таким пронзительно и без примесей синим, что, нарисуй такое кто на картине, критики сочли бы его неестественным и фальшивым. А между тем это было самое настоящее небо. Снег сиял так, что слезились глаза.

Тибидохс казался плоским, точно вырезанным из гигантского куска шершавого картона. На дубе, загадочно улыбаясь, сидела птица Сирина. Ее мощные загнутые когти поразительно сочетались с одухотворенным и прекрасным женским ликом, точно сошедшим с фресок.

Таня хотела было подойти к вещице-птице и попросить предсказать судьбу, но раздумала. Она побаивалась знать все наперед, к тому же Сирина питалась отнюдь не вегетарианской пищей и была равнодушна к сырому мясу.

Таня уже проходила мимо, как вдруг птица Сирина встрепенулась и произнесла:

В любви ты только боль найдешь,

Коль не предашь, то путь пройдешь.

Все деньги – ложь, все золото – бред,

Важнее крови платы нет.

Когда платить придет пора –

За все лишь жизнь одна цена.

Когда на плахе голова,

Себя забудь – ищи слова.

Когда утащит вор у вора –

Пророчество свершится вскоре.

Таня Гроттер с беспокойством оглянулась. Она подумала, возможно, Сирин обращается к кому-то еще. Но рядом никого больше не было. Сирин молчала и отрешенно смотрела на солнце. Она часами могла смотреть на солнце не щурясь.

Невесело размышляя о туманных пророчествах, Таня отправилась в соседний ангар навестить молодых драконов.

«Эх, почему мне так легко с драконами и так тяжело с людьми? Нет, все-таки я какая-то не такая. Неправильная какая-то. Может, я должна была родиться драконом, тигром или собакой и только по ошибке родилась человеком? Бывают же такие удручающие ошибки!» – думала Таня, вспоминая лекцию заезжего восточного мага, чье имя было таким длинным, что целиком его помнил только джинн Абдулла.

Ртутный, Пепельный, Искристый, Огнеметный, Дымный и другие сыновья Гоярына в отличие от своего знаменитого отца не впадали в спячку. Они были для этого слишком горячими. Никакой мороз не мог остудить их кипящую кровь. Нетерпеливо дожидаясь, пока джинны принесут им ртути и выведут полетать, они ревели, кусались, подсакивали, сталкивались грудью, ударяли друг друга крыльями, выпускали струи дыма пополам с огнем и колотили хвостами в гулкие стенки ангара.

Заглянув к ним, Таня закашлялась от едкого дыма и поспешила поскорее выйти наружу. Молодые драконы плохо отличали своих от чужих и немедленно нападали на всякого, кто имел неосторожность попасться им на глаза. Именно поэтому Соловей так охотно использовал их на тренировках и никогда

не выставлял воротами в серьезных матчах.

Несмотря на мороз, команда Тибидохса тренировалась ежедневно. Соловей ни разу не говорил об этом вслух, но все равно все откуда-то знали, что в мае – июне спортивный комитет Магщества должен назначить дату матча-реванша «Тибидохс – невидимки». Хлопоча об этом, Сарданапал несколько раз летал на Лысую Гору.

Окончательного согласия Магщества на матч получено еще не было. Бессмертник, Тиштря и Графин Калиостров изобретали одну отговорку за другой. Но все же надежда оставалась. «Меди, хотел бы я знать, что они придумают, чтобы нам отказать? Мне кажется, я все предусмотрел. Им придется хорошо пораскинуть мозгами!» – не раз озабоченно говорил академик.

* * *

Садясь на контрабас и произнося «Торопыгус угорелус», Таня сообразила, что совсем забыла про обед. Когда она примчалась в Зал Двух Стихий, столы уже были накрыты. Молодцы из ларца, одинаковые с лица, давно расстелили скатерти и теперь с переброшенными через руку полотенцами, точно бойкие половые из придорожного трактира, услужливо замерли у преподавательского столика.

Готфрид Бульонский глодал огромный окорок, лихо справляясь с ним с помощью кривого турецкого кинжала. Вилками-ложками он принципиально не пользовался, находя, что это недостаточно мужественно. Великая Зуби, отпивая из бокала красное вино, многообещающе поглядывала на своего воинственного супруга. Тарарах, хотя и более древний по годам, но уже несколько цивилизовавшийся, охотился с вилкой за ускользящими пельменями. Ванька, тайком наблюдавший за ним, посмеивался. Он сообразил, что, если охота и дальше будет происходить с той же результативностью, питекантроп встанет из-за стола голодным.

Поклеп Поклепыч налегал на блины с осетриной. Изредка он принимался грозно вращать зрачками, крякал и телепортировал осетрину из блинов русалке. Сами блины были Милюле малоинтересны. Максимум у нее хватило бы воображения наклепать их на плешь водяному.

Малютка Клоппик тоже сидел за преподавательским столиком на том самом месте, что раньше занимал профессор Клопп. Теперь его пересадили сюда, чтобы он не бузил и чтобы была хоть какая-то возможность за ним присматривать. Но даже и под присмотром Клоппик ухитрялся, хихикая, швырять в старшекурсников котлетами, причем заговаривал их так, что, попадая в цель, котлеты возвращались к нему, не оставляя никаких улик.

Балуясь, малютка Клоппик совсем забывал пообедать. Даже ложку он использовал больше как катапульту, чтобы бросаться картошкой. Под конец отчаявшаяся Зуби, уставшая делать Клоппику замечания, каждое из которых было самым последним, прибегла к помощи молодцов из ларца. Молодцам пришлось кормить Клоппика насильно. Один ласково придерживал ему руки, а другой, сноровисто работая деревянной ложкой, начинал его бараньим желудком с кашей по рецепту Собакевича.

Сарданапала и Медузии почему-то не было. Их пустые стулья за общим столом выглядели настораживающе. Прежде академик пропускал обед лишь в исключительных случаях, например когда безвылазно сидел у себя в кабинете, карауля Безумного Стекольщика, или пытался разгадать загадку Исчезающего Этажа.

Ученики шептались, пытаясь угадать или, на худой конец, прочесть на лицах у остальных преподавателей, что это может означать. Не рискнув сканировать никого из учителей, Ягун попытался незаметно подзеркалить Готфрида Бульонского, но оказалось, что Готфрида страхует его супруга. Ягун встретил такой мыслеблок Великой Зуби, что едва не рухнул носом в кисель.

«Ну и не надо, если так! Обчихайтесь вы своими тайнами! Они мне даром не нужны!» – сердито решил играющий комментатор.

Таня проскользнула за свой столик. Баб-Ягун, Ванька и Рита Шито-Крыто, сидевшие вместе с ней, выглядели довольными. Сегодня по жребию им выпала шоколадная скатерть, и они демонстративно морщили носы, пытаясь кроме шоколада вытребовать у скатерти восьмой сорт мороженого в дополнение к тем семи, которыми скатерть щедро делилась. С соседних столиков за ними завистливо наблюдали речечники и маннокашники.

Винегрето-вафельники и обладатели пончиковой скатерти сохраняли нейтралитет.

– Эй, Танька, ты чего? Соображай, на какие скатерти опаздывать! – весело закричал Баб-Ягун, уже оправившийся от конфуза с неудачным подзеркаливанием. – И не покупайся, если хмыри с восьмого столика булочки будут на обмен предлагать! Они их заговорили и теперь ищут кому спихнуть!

– Ум... Тузиков попробовал – у него щеки как у хомяка разнесло! Оно конечно, удобно запасы хранить, но девушкам это не нравится, – с набитым ртом добавила Рита Шито-Крыто.

Один Ванька ничего не сказал Тане, а только отрешенно улыбнулся и пожелал приятного аппетита. Тане захотелось сунуть этого упрямца носом в шоколад, а потом расцеловать, чтобы он больше не дулся, но вместо этого она тоже вежливо улыбнулась и пожелала Ваньке «самого расчудесного аппетита и замечательного пищеварения». Обменявшись колкостями, оба миролюбиво занялись шоколадным тортом.

После обеда все разделились. Баб-Ягун умчался к Семь-Пень-Дыру смотреть новый драконбольный каталог, который тому прислали с Лысой Горы.

– Я ничего не куплю, вот увидишь! Только посмотрю одним глазком! – сказал он Тане.

Таня хмыкнула. Уже по тому, что Ягун ни с того ни с сего стал давать обещания, она готова была поспорить: играющий комментатор скупит добрую треть каталога, истратив все подаренные ему на Новый год дырки от бубликов. Недели же через три, когда придут все эти непрожигаемые мази, огнеупорные насадки на пылесос, тренировочные реактивные мячи и ускоряющая настойка из цикуты для добавления в русалочью чешую, Ягун снова будет бить себя кулаком в грудь, плевать и клясться, что немедленно отправится на Лысую Гору, найдет того, кто рассылает каталоги, и заставит его съесть всю эту дребедень, заедая ее страницами каталога.

Одновременно с Ягуном убежал и Ванька. Он отправился к Тарараху провести химеру, львиный рык и козлиное бляенье которой каждую ночь ставили на уши весь Тибидохс. Циклопам, имевшим привычку дремать на часах, спросонья

мерещилось, что напала нежить. Они начинали бегать с секирами по школе, перекрывая ведущие в подвал лестницы.

Химера, змеиный хвост у которой никак не желал заживать, неплохо прижилась у Тарараха. Она уже загрызла вепря и едва не сожрала Жар-птица, поэтому питекантропу пришлось посадить ее в клетку. Тарарах был этим недоволен. Он считал, что все магические существа должны жить на свободе. К тому же, бросаясь на прутья клетки, химера наносила себе раны, которые Тарараху приходилось залечивать.

Единственным, к кому химера относилась неплохо, был, как ни странно, Ванька. Когда он входил в берлогу к Тарараху, по запахам и загроможденности давно напоминавшую зверинец, химера переставала рычать. Ее четыре глаза на расположенных одна за другой мордах – львиной и козлиной – не отрывались от Ваньки все время, пока он оставался в берлоге. Если мощному Тарараху, когда он делал химере перевязку, приходилось прибегать к помощи циклопов, Ванька обходился один, без всякой помощи. Химера охотно пускала гибкого худощавого подростка к себе в клетку и не бросалась на него, даже когда он накладывал едкую мазь на ее раны.

Порой, когда химера начинала волноваться, Ваньке достаточно было сосредоточиться и слегка рыкнуть, подражая ее голосу. Козлиная голова сразу пугливо прижимала уши, а львиная щурилась и поглядывала на Ваньку с уважением, как на своего.

– Ну ты того... не слишком геройствуй. Оно еще непонятно, что у этой дылды в башке-то, в какое ухо ей дурь ударит... – с гордостью за своего ученика басил Тарарах. – Оно, видать, в крови у тебя магия такая, что звери запросто подпускают. В родне-то у тебя звероязыких магов не было?

– А кто его знает? Отец вот только на границе собак тренировал, когда в армии служил. Потом, даже когда пить стал, на четвереньках, бывало, домой ползет – все равно ни одна собака не зарычит. А псы у нас в городе ого-го! – скупно сказал Ванька и больше уже ни на какие расспросы Тарараха не отвечал.

Он не любил говорить о своих родных, хотя довольно часто – Таня это знала точно – посылал купидона разведать, как они там. Новости, которые приносили крылатые младенцы, были чаще всего неутешительными. Порой, выслушав

очередного купидона, Ванька молчал по два дня. Он вообще был скрытным и долго переживал обиду, в отличие от Баб-Ягуна, с которым можно было насмерть поссориться и тотчас помириться раз пять за неделю.

- Ты того, брат, не грусти. Не злись на отца... Отцы - они всякие бывают. У меня папаша вообще каннибалом был, покуда его самого ребята из соседнего племени за здорово живешь не умяли. Время такое было. Чуть зазеваешься - и фьють! И дед каннибалом был, и прадед... - ободряюще сказал питекантроп, положив тяжелую, как окорок, руку Ваньке на плечо.

- А ты был каннибалом? - спросил Ванька. Они с Тарарахом давно были на «ты».

Тарарах передернулся.

- Нет, не по мне это. Не мог я, - решительно сказал он.

- А ты пробовал?

- Было как-то с голодухи... Ешь - а куски поперек горла встают. Думаешь: разве мать его для того родила и молоком своим выкормила, чтоб он в котел общий попал? Нет уж, думаю, лучше уж с голоду околею, чем человеческое мясо буду есть. Да вот не околел же. До весны кое-как перебились, а там и дракон этот подвернулся, - с неохотой вспомнил питекантроп.

Таня тоже с удовольствием зашла бы посмотреть на химеру, но ей не хотелось, чтобы Ванька решил, что она таскается за ним хвостом, как такса Полтора Километра за тетей Нинелью на прогулке. Поэтому, вместо того чтобы следовать за Ванькой, она свернула на Главную Лестницу, но не остановилась у Жилого Этажа, а стала подниматься выше. Это произошло спонтанно, без долгих размышлений. Тане захотелось подняться на чердак и, если позволит защитное заклинание, пробраться на крышу, чтобы еще раз взглянуть на стрелку, указывающую направление на Лысую Гору.

Бесконечные ступени прыгали у нее перед глазами, дыхание сбивалось, и вскоре Таня уже жалела, что не полетела на контрабасе. Она была уже высоко, когда внезапно услышала на лестнице разговор. Кто-то спускался ей навстречу. По голосам Таня поняла, что это Сарданапал и Медузия.

Тане не хотелось видеть Сарданапала после его «преждевременно». Она была убеждена, что, столкнувшись с ней лицом к лицу, академик наверняка пустится в нудные объяснения, а учитывая, что рядом еще и Медузия с ее острым язычком и пронзительным взглядом, это будет вдвойне невыносимо. Спускаться же вниз было глупо – она поднялась уже чуть ли не на пятьсот ступеней.

Таня быстро добежала до ближайшей площадки и нырнула в нишу между мраморной фигурой девушки с кувшином и выступом узкого окна. Это место мог назвать идеальным лишь человек с воображением дятла. С лестницы Таню сложно было обнаружить, зато с площадки очень даже легко, стоило лишь повернуть голову. Таня сообразила это почти сразу, но менять укрытие было поздно. Голоса звучали уже совсем близко.

– Мне это совсем не нравится... Поклеп обнаружил лазейку только вчера, и лишь к утру он и Зуби смогли ее залатать... – озабоченно говорила доцент Горгонова.

– Меди, я не назвал бы это лазейкой. Ты видела края этой бреши? Такое ощущение, что «Грааль Гардарика» просто проломили. Стихийная магия, чудовищная сила... Это не было даже атакующее заклинание, я уверен.

– Я не верю в стихийную магию. Порой «Грааль Гардарика» соглашается пропустить мага, который не знает заклинания, но в ком защита острова не видит угрозы. Того же Пуппера, например... Но проломить ее так, походя, как какой-то пластиковый колпак... Невозможно! – сухо возразила Медузия.

– Меди, порой твой скептицизм меня умиляет. Нельзя быть магом и верить в чудеса меньше, чем лопухойды. Вспомни четырехлетнего малыша, который проломил стену тюрьмы толщиной в три кирпича одной лишь силой мысли. Он сделал это потому, что на другой день его мать-ведьму должны были сжечь на костре, а малыш очень скучал... Я даже назову тебе его имя. Зигфрид Клопп. Кстати, именно после этого случая он и попал в Тибидохс.

Медузия почти уже сошла с площадки, но внезапно повернулась. Ее рыжие волосы зашипели. Блеснула темная, с серебристой искрой, чешуя. Крайние пряди превратились в змей.

– Гроттер, что ты тут делаешь? – сухо спросила Медузия.

– Стою, – сказала Таня.

Ей почудилось, что во рту у взбешенной Горгоновой она увидела раздвоенный змеиный язык.

– Подслушиваешь?

Таня вспыхнула. Не объяснять же Медузии, что она просто не хотела встречаться с Сарданапалом.

– Я не знала, что в присутствии преподавателей надо зажимать уши. В следующий раз я так и поступлю. На ближайшем же нежизителеведении, – заявила Таня.

– Гроттер, как ты смеешь мне дерзить?! – вспыхнула Медузия. – Гроттер, стой! Куда ты?

Но Таня уже проскочила мимо них и кинулась вверх по лестнице.

– Таня, погоди! – крикнул ей вслед академик, но «малютка Гроттер» уже взлетела на два пролета. Она мчалась и редела на бегу, спотыкаясь и перескакивая сразу через несколько ступеней.

– Какая дерзость! Нет, правильно, что она на черном... Мерзкая, вздорная девчонка! – сказала Медузия.

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса покачал головой. Его задумчиво обвисшие усы воспрянули и запрыгали, сердито постукивая по стеклам очков.

– Меди, ты первая дурно повела себя с ней! Девочка не подслушивала. Она просто шла нам навстречу. Мне кажется, я догадываюсь, что с ней, – укоризненно произнес Сарданапал.

– Кто поступил дурно, я? Ей четырнадцать, а мне... – Медузия спохватилась и размыто продолжила: – А мне несколько больше. И вообще, довольно того, что я доцент кафедры, а она простая ученица!

– Вот именно потому, что ей четырнадцать, и потому, что она просто девочка, надо быть снисходительным! – сказал Сарданапал.

– Вы удивляете меня, академик! Вечно вы нянчитесь со своей Таней Гроттер! Так почему же вы не перевели ее на белое отделение, если она такая расчудесная? – ревниво спросила Медузия.

– Не смог, Меди! Таня пока не черный маг, но уже и не белый. Она где-то между осознанным добром и стихийным злом, которое совершает сгоряча и не задумавшись. Она как весы склоняется то в одну, то в другую сторону. Оставь я ее на белом отделении – другая чаша перевесила бы, и она стала бы черной уже навсегда или сделалась бы одной из тех белых магов-ханжей, которых полно в Магществе. Тех магов, которым кажется, что они вправе все и за всех решать потому лишь, что избегают красных искр. Да в профессоре Зигфриде Клоппе было куда больше человечности, чем во всех этих надутых правдолюбях вместе взятых!.. А сейчас, возможно, у Тани есть шанс вновь стать белой. Небольшой, но все же есть.

Таня долго стояла на чердаке у фиолетовой завесы, перегораживающей выход на крышу. По щекам у нее текли слезы. Завеса потрескивала. Ее шуршание напоминало Тане звук сминаемого пакета из толстого целлофана. Было видно, что ее не снять никаким заклятием. Поклеп и Великая Зуби разбирались в черной магии явно побольше, чем недавно переведенная с белого отделения ученица.

Неожиданно, когда пропасть уныния, в которую все глубже падала Таня, стала совсем бездонной, кольцо Феофила Гроттера потеплело. Голубоватая нить света оторвалась от него и уткнулась в дальнюю стену. На одном из камней, на который едва ли кто-то бросил бы взгляд без особой нужды, белела старая, но все еще различимая надпись: «Выше нос, Лео! Мы еще покажем судьбе мгновенный перевертон!»

Таня улыбнулась сквозь слезы. Ей почудилось, что отец через годы ободряюще протянул ей руку.

– Выше нос, Лео! Мы еще покажем судьбе мгновенный перевертон! – повторила она.

* * *

Когда Таня вернулась, Гробыня Склепова, роковая девушка черного отделения, в отличном настроении кружилась по комнате, вальсируя с глупо хихикавшим от счастья скелетом Дырь Тонианно. На новом красном покрывале ее кровати-гроба валялась колода карт. Пиковые король и дама лежали отдельно, окруженные пестрым хороводом десятков, валетов и тузов.

Увидев Таню, Гробыня бесцеремонно отпустила скелет, немедленно грохнувшийся прямо посреди комнаты, и подбежала к ней.

- Гроттерша, ты видела? Я раскинула карты! Пуппер будет мой! Можешь теперь убрать свои загребушие ручки! - крикнула она.

Таня внимательно посмотрела на карты.

- С чего ты решила, что Пуппер - это пиковый король? - поинтересовалась она.

- А кто он?

- Самое большее - бубновый валет. Англичане сроду не были пиками, не их масть... Пиковый король - это уж скорее Поклеп... Да и потом, разве ты пиковая дама? Пиковая дама - Медузия или Зуби, а ты дама треф, - сказала Таня.

Гробыня нахмурилась. Слова Тани попали в цель. Правда, уже спустя секунду Склепова вновь повеселела. Она имела неисчерпаемый запас жизнерадостности:

- Не выступай, Гроттерша! Сама выходи замуж хоть за своего зануду Поклепа, хоть за черта лысого! Мой Пупперчик пиковый, я это точно знаю! У него глаза темные, мало тебе? И плащик тоже темный! Он весь такой милашка! «И за борт его броса-ает в набежа-авшую волну!..» - запела Гробыня.

Она обожала переиначивать песни. Вот и теперь в роли Стеньки Разина явно выступала сама Склепова, Пупперу же, завернутому в пеструю шаль, досталась незавидная роль персидской княжны. Дальше Гробыня слов песни не помнила и поэтому быстренько закруглилась.

– Одним словом, бульк – и нету Пупперчика. Одни денежки остались, – пояснила она и, собрав карты, вытянула из шкафа зудильник.

Магическое блюдо задрожало, затуманилось и нашарило в своих потусторонних глубинах длинноносую бельмастенькую ведьму.

– Привет вам, продрыглики и проклятики, маги, магвокаты, магвочки, маггесы и маггеры! – затараторила она. – В эфире «Последние магвости» и ведущая Грызиана Припятская! Надеюсь, вы все протерли свои зудильнички мягкими тряпочками? А если нет, то как вы увидите мой загар, я вас спрашиваю? Целую неделю меня не было! Ах вы, хамы, хамсики и хамусики, не соскучились по своей сладенькой Грызианочке? Нет? Неужели напрасно я вас целый год заговаривала да зомбировала? Вот какая я противная, скверная! Чтоб мне еще сорок раз замуж выйти и ни разу не развестись, какая я бяка! А все праздники эти, будь они неладны! Вроде полагается отдыхать, ну я и отдыхала. Была на Лысой Горе, каталась на горных лыжах. Говорят, там еще остались сосны, которые я не сшибла своим лобиком! И ни одной ссадины, имейте в виду! Вот что значит иметь твердые принципы и железобетонную мораль!..

А теперь, так и быть, посмотрим, что у нас новенького в мире. Новостей, как ни странно, довольно много. Похоже, большинство нехороших волшебников просто-напросто не пожелали уходить на зимние каникулы. В Маглионе ограблен банк. Жабьи бородавки и зеленые мозоли не тронуты. Похищен зеркальный щит Персея, позволяющий любому, кто им владеет, оставаться неуязвимым для любых видов магии. В защите банка, прежде считавшейся неприступной, была пробита глубокая брешь, через которую злоумышленник проник в банк и покинул его незаметно для джиннов охраны. Маглиция до сих пор не может прийти к единому мнению, каким образом было осуществлено это дерзкое преступление.

Дядюшка Сэм моментально обвинил во всем мировой магоризм, стремящийся к подрыву курса зеленых мозолей. Однако Дядюшке Сэму не слишком поверили, поскольку его обвинения зачастую подозрительно предшествуют совершению преступления. Сам Сэм объясняет это выдающимися способностями своей пифии...

В Магмитаже открылась выставка скульптур Гераклита Милетского. Уникальность этих скульптур, созданных более двух тысячелетий назад, в том, что они абсолютно невидимы и неосязаемы. Уже несколько веков искусствоведы

спорят, существуют ли они на самом деле. Одни утверждают, что скульптур не существует, другие – что существуют, третьи – что скульптуры существовали, но были украдены еще в Средневековье и теперь находятся в коллекции Бессмертника Кощеева. Сам Бессмертник все отрицает. Впрочем, похищение Василисы Премудрой он тоже отрицал более трехсот лет и лишь недавно сознался, что «одолжил» Василису на некоторое время для проведения курса костеукалывания...

И наконец еще одна сногшибательная магвость! Обычно кавалеры защищают дам, но на этот раз вышло все наоборот – дама, точнее девушка, не только защитила кавалера, но и буквально стерла в порошок его обидчиков...

А началось все так. Тетя Настурция, британская родственница Гурия Пуппера, пила чай «Пиптон» вместе с другой тетей, чьей доброты боится даже Вий, когда внезапно перед ними телепортировались трое весьма необычно одетых, или, точнее, необычно неодетых, мужчин. Тетя Настурция и другая тетя были так шокированы, что вначале поколотили их своими зонтиками и лишь после узнали в этой троице своего магвоката Хадсона и двух магнотизеров из личной охраны Пуппера.

Как выяснилось, магвокату удалось обнаружить след сбежавшего несколько дней назад от своего тренера Пуппера и почти вернуть Гурия тетям, однако ему пришлось иметь дело с Пипой Дурневой, девушкой из мира лопухоидов. Мадемуазель Дурнева, кстати, дочь небезызвестного председателя В.А.М.П.И.Р., мощным магическим импульсом катапультировала преследователей Пуппера из своей квартиры, где Гурий, видимо, скрывался. Мало кто способен так убедительно защитить свою любовь! Согласно закону Высшей Магии, который ни разу не нарушался с 1198 года, подросток, обнаруживший магические способности, не может дольше оставаться с лопухоидами и должен поступить на обучение в одну из магических школ. Так как Пипа русская, скорее всего, этой магической школой станет Тибидохс...

В заключение тетя, которую побаивается даже Вий, посмотрела на магнотизеров своими добрыми голубыми глазами – и те немедленно отправились искать себе другую работу. Магвокат Хадсон великодушно прощен и отделался лишь чувствительными уколами зонтиком. Правда, ему пришлось простоять четыре часа на коленях и написать шестьсот шестьдесят семь письменных обещаний, что он в ближайшее время найдет беглеца и вернет его тетям в целостности и сохранности.

Ох-ох, что делает любовь! Помнится, и я когда-то теряла голову... Впрочем, это тема не для дневного блока новостей. Смотрите мою ночную передачу «Про то и про се. Откровения ведьмочки». Детям до восемнадцати лет можно не беспокоиться – зудильники заговорены...

Грызиана Припятская выпустила красную искру, и в тот же миг в руке у нее возник высокий хрустальный бокал.

– Поднимаю этот бокал за новую звезду, вспыхнувшую на магическом небосклоне! Неподражаемая Пипа Дурнева! Гип-гип, ура!

Гробыня смахнула с зудильника изображение бельмастенькой ведьмы и сунула его в шкаф.

– Ты слышала, Гроттерша, – у нас появилась конкурентка! Конкретная такая девица! Ничего не смысля в магии, напрочь снесла магвоката и двух взрослых магнотизеров! Нехило, а? Магвократ еще ладно, туда-сюда, но магнотизеры-то лет десять небось зубрили боевую магию! М-да, такая за Пуппера саму Чумиху в бараний рог согнет, – заявила она.

Таня тупо уставилась на шкаф. Ей чудилось, будто ее огрели по затылку дубиной. Пипа в Тибидохсе! У Пипы, которая всю жизнь была глупа как пробка и умела только всем гадить и этим развлекаться, обнаружилась интуитивная магия!

Склепова испытующе взглянула на Таню. Хотя Таня молчала, от Гробыни сложно было что-либо скрыть.

– Что-то ты скисла, Гроттерша! Рада небось радешенька, что твоя сестренка прилетает в Тибидохс? – сладким голосом спросила она. – А уж я-то как рада! Чувствую, мы с Пипой подружимся. И Грызианке она понравилась. Смотри-ка, как доброжелательно она к ней отнеслась. Грызианка всегда умеет увидеть хорошего человека.

Пипа Дурнева и ее восемь чемоданов

Председатель В.А.М.П.И.Р. Герман Дурнев ходил по комнате, мрачный и злой, как Безглазый Ужас в кандальную ночь. На ногах у него были сапоги графа Дракулы, на поясе шпага. На бледном лбу серебрилась корона. Халявий и такса Полтора Километра опасно следили за бывшим депутатом, один с дивана, другая из-под дивана. Они уже привыкли, что, когда он надевает всю эту вампирскую амуницию, с ним лучше не связываться.

Посреди комнаты, уперев руки в бока, стояла Пипа. Щеки у нее были красные, а глаза зареванные. Она спорила с отцом.

- Нет, нет, нет! Я этого никогда не допущу! Только через мой труп! - грохотал родитель.

- Папуля, умоляю, не ставь меня перед выбором! - пропищала Пипа. - Не вынуждай меня делать тебя трупом! Я все равно поеду!

- Как ты смеешь так разговаривать с отцом, я тебя спрашиваю?

- Напугал, корону надел! Прямо вся дрожу! А вот и смею! - Пипа попыталась топнуть двумя ногами сразу, но у нее получился лишь нелепый злой прыжок.

- Молчать! - взвизгнул Дурнев, звякнув шпорами. - Ты знаешь, кто я?

- Да откуда? Я вас в первый раз вижу, мужчина! И вообще, нечего меня запугивать! Я твоему банку денег не должна! - фыркнула Пипа.

Регалии Повелителя вампиров и общественная значимость папули не производили на нее впечатления. Она привыкла помыкать им с младенчества, когда бесцеремонно пыталась отпилить ему голову штырьком от погремушки и вытирала испачканные мороженым руки о брюки его делового костюма.

- ЧТО? Да как ты смеешь? - взвыл Герман Никитич, становясь из лилового багровым, а из багрового синим.

– А ты как смеешь меня не пускать! Я хочу, хочу, хочу там учиться!.. Хочу и буду!

– Как хочешь, так и перехочешь! – категорично заявил председатель.

Быстро взглянув на папулю, Пипа поняла, что упрямством ничего не добьется, и решила сменить тактику. Она театрально осела на пол и заплакала холодными и жирными, как вчерашний куриный бульон, слезами.

– А-а-а! Папуська, ну пожалуйста! Я умоляю! Посмотри, как мне здесь плохо! Я тебя умоляю, дорогой папуська, не разбивай мне жи-и-изнь, а-а-а! Или я вам вашу жизнь сама поразбива-аю-у-у!..

Бывший депутат, еще мгновение назад клокотавший как чайник, осекся. В груди у него зашевелились червячки сомнения. Он даже испытал угрызения совести.

– Это почему же тебе здесь плохо? – подозрительно спросил он. – А вот плакать перестань! Сколько можно! У меня, милая, все эти слезы во где сидят!.. Думаешь, я поддамся?..

«Поддашься как миленький!» – подумала Пипа и зарыдала вдвое громче. Это был захлебывающийся, визгливый, бьющий по ушам, терзающий нервы плач – секретное оружие Пипы. Мебель подпрыгивала, люстра раскачивалась. Дурнев зажал уши. Генерал Котлеткин за стеной потянулся к сейфу, где у него был спрятан именной пистолет. Ему хотелось застрелиться.

А Пипа поглубже вдохнула и еще поднажала.

Бедный Герман Никитич! Он никак не мог усвоить, что, когда его дочурка куда-то рвалась или чего-то требовала, мудрее было уступить. Интуитивная магия есть интуитивная магия. У Пипы же она была уникальна, пробуждаясь в минуты гнева, как вулкан.

Пипа рыдала, с каждой новой трелью с торжеством убеждаясь, что полетит в Тибидохс. Три часа назад ей было доставлено приглашение из высшей школы магии – затейливо, с росчерками подписанное академиком Сарданапалом, – и теперь она, умело чередуя кнут и пряник, обрабатывала своего заупрямившегося папочку.

Поклеп Поклепыч, лично прилетевший за Пипой, сидел у Дурневых на кухне, пил кофе (который старомодно называл «кофий») и с неодобрением смотрел телевизор. Ни новости, ни фильмы ему не нравились. Буркнув что-то про глупых лопухоидов, Поклеп принялся щелкать пультом. Внезапно он заморгал, надул щеки и жадно уставился на экран. Он попал на показ новой коллекции купальников, как нельзя более своевременный, учитывая, что на дворе был январь. Если бы Поклепа в эту минуту увидела его Милюля, то точно выцарапала бы ему глаза от ревности. Когда показ купальников завершился, суровый завуч высшей волшебной школы потряс головой, отгоняя наваждение.

«Уф! Оно, может, лопухоидки и ничего. Есть очень даже привлекательные. Да только рыбьих хвостов ни у кого нету. А если женщина без хвоста, то что это за женщина? Как с ней, к примеру, плавать? Опять же тинной она брызгаться не умеет», – решил он и, окончательно утвердившись в полном превосходстве своей Милюли, осторожно выглянул в гостиную.

Зареванная Пипа незаметно подмигнула Поклепу, и завуч понял, что стратегическая победа одержана. Более того, мадам Дурнева уже поспешно собирала чемоданы. Моральные страдания не мешали ей действовать быстро и сноровисто. Семь чемоданов были уже готовы, и теперь мамуля прыгала на восьмом, и последнем, пытаясь убедить его закрыться. Чемодан стойко сопротивлялся, несмотря на более чем солидную аргументацию.

Герман Никитич, уже внутренне обмякший и сдавшийся, напутствовал Пипу обязательством писать ему каждые пять минут и даже чаще, а Халявий, тоже как-никак существо, не лишенное некоторой магии, влезал со своими замечаниями.

– С белыми магами не водись. От них злу не научишься. У драконов в носу палкой не ковыряй. А самое первое дело – колечко береги, что тебе дадут. Оно, то ись, на всю жизнь, – наказывал он.

Видя, что прощание затягивается, Поклеп вздохнул и, вернувшись на кухню, принялся заговаривать телевизор, надеясь вновь попасть на показ купальников. Он уже сообразил, что ему еще долго придется куковать у Дурневых. С другой стороны, просто похитить Пипу, как это происходило с другими, он не мог. Как-никак хозяин дома был председателем В.А.М.П.И.Р., а отношения между магами и вампирами всегда отличались натянутостью. Вот и пришлось Поклепу явиться к Дурневым и представиться им вполне официально.

Правда, произошло это на рассвете, часика эдак в четыре утра. Дурневы были бесцеремонно сдернуты с кроватей. Но тут уж ничего не поделаешь. Магам непросто понять нюансы лопухоидного времени.

В первую минуту, услышав, что его Пипочку собираются зацапать в какую-то высшую школу магии и разлучить с родителями, бывший депутат взбеленился и попытался напустить на Поклепа шпагу своего пращура, но, превращенный на пять минут в гуся, поумерил свой пыл. К тому же Пипа сама рвалась в волшебную школу с упорством тарана, и уж с этим-то Дурнев точно ничего не мог поделать.

Наконец сборы были завершены. Чемоданы горой громоздились у двери лоджии, наводя почему-то на мысль не то о скалах, не то о неприступной крепости. Завуч к тому времени давно был на балконе и озабоченно похлопывал по жесткому боку гимнастического коня, на котором им с Пипой предстояло добираться до Тибидохса. Разумеется, это было не самое быстрое средство передвижения, но для начинающей, к тому же такой неловкой, как Пипа, самое подходящее. С пылесоса юная Дурнева точно свалилась бы с непривычки, да и сам Поклеп, признаться, не был большим любителем полетов. Он с большим удовольствием телепортировался бы, да только для неопытных магов телепортация была слишком опасным видом перемещения. Пипа могла сделать что-то не так и просто-напросто исчезнуть с лица земли.

Несчастный родитель страдал, цеплялся за рукав дочери и молол вздор. Он договорился до того, что сам полетит в высшую школу вместе с ней и будет ходить на уроки.

– Вы не можете мне это запретить! Это мое моральное право! – заявил он Поклепу.

Завуч пожал плечами:

– Да пожалуйста, сколько угодно. Если вам охота выставить дочь на посмешище, летите. Да только «Грааль Гардарика» вампиров не жалуется. Раздавит еще на подлете, – предупредил он.

– Я не вампир! Пусть только посмеет! – заспорил Дурнев, однако от полета в Тибидохс благоразумно отказался.

Если супруг бросался из крайности в крайность, то мадам Дурнева подходила к делу со свойственной ей практичностью.

– Пипочка, детонька, не забудь электрошокер! Если к тебе кто-то начнет приставать – сразу его электрошокером, – напутствовала она дочь.

– Обязательно возьми. Куда ж без электрошокера? Безглазый Ужас, Инвалидная Коляска и Поручик Ржевский давно не веселились. То-то радости будет. Нормальные маги их «Дрыгусом» гоняют, а Пипа Дурнева – электрошокером, – проворчал вполголоса Поклеп.

Пипа, одетая в кучу свитеров и курток, взгромоздилась на гимнастического коня и важно уселась на нем, с достоинством надувая щеки. Поклеп хотел поскорее произнести полетное заклинание, но супруга бывшего депутата вцепилась ему в рукав.

– А чемоданы? Вы забыли чемоданы! – всполошилась она.

– Чемоданы я заговорю. Они полетят за нами, – неохотно сказал Поклеп и что-то забормотал, привязывая к каждому чемодану талисманы.

Настало время объятий, прощаний, рыданий и влажных чмоков в щеку. К Пипе выстроилась настоящая очередь. Мамуля, папуля и Халявий – последний сложно сказать, на каких правах, – тискали ее, целовали и обнимали. Пока один прощался, остальные двое, не имея доступа к дорогому телу, бросались к Поклепу с просьбой позаботиться о девочке.

– Я вас умоляю, не оставьте ее! Она такая беспомощная, такая ранимая! Мы будем вам платить ежемесячно! Вам как удобнее: в конверте или на кредитную карту? – говорила мадам.

Поклеп, который одним лишь напряжением мысли мог бы ограбить все лопухоидные банки мира, смотрел на Дурневых с тоской и уже не чаял как отделаться. Он пребывал на грани помешательства. Эта семейка была

едва ли не единственными на земле людьми, которые сурового завуча с его глазками-буравчиками не только не боялись, но и явно держали не то за мальчика на побегушках, не то за ресторанного швейцара.

Поскуливающий от умиления Халявий стиснул Поклепу руку такое количество раз, что под конец обезумевший завуч просто тряс рукой в воздухе точно припадочный.

– Ты мне всегда нравился! Ты такой оба-алденный! – томно сказал он Поклепу на ушко.

Опомнившись, завуч торопливо забрался на гимнастического коня и велел Пипе обхватить его руками за пояс.

– Держаться за меня! Вниз не смотреть! Руки не отпускать! Громко не визжать! Испугаешься высоты – просто закрывай глаза! – распорядился он. – Пилотус камикадзис! Ойойойс шмякис брякис!

Вспыхнули две искры – красная и зеленая. Завуч Тибидохса никак не мог утвердиться на каком-то одном виде магии. Его расшатанный неопределенностью перстень никогда не знал, какой магии от него потребуют в следующий миг, и потому готов был ко всему, чуть ли не к магии вуду. Гимнастический конь тяжело поднялся в воздух, повиснув на самом грузоподъемном и медленном из всех полетных заклинаний.

Вслед за гимнастическим конем взлетели все чемоданы Пипы и даже такса Полтора Километра. Она загребала лапками и склочно повизгивала. Летать ей не нравилось. Такса вообще негативно относилась ко всему, что не касалось еды или сна.

– Полтора Километра, ты куда?! Хоть ты-то останься! – взывала Дурнева. Она торопливо схватила таксу и, прижав к своей могучей груди, сорвала с ошейника талисман.

Поклеп Поклепыч, по чьей небрежности талисман оказался на ошейнике, виновато хмыкнул. Он пребывал в некоторой рассеянности, к тому же со спины упитанная такса смахивала на женскую сумочку.

– Пока, папуль! Пока, мамуль! Я вам напишу!.. Эй, чего мы стоим? Клепыч, полетели! – крикнула Пипа, нетерпеливо, точно таксиста, хлопая завуча по плечу.

Поклеп Поклепыча передернуло. Он не выносил фамильярности, особенно от четырнадцатилетних девчонок. А Пипа уже цепко, точно клещ, обхватила его за талию, так что завуч немедленно пожалел, что вообще присоветовал ей держаться за него.

– Клепыч, ты чего, замерз?! Раскочегаривай свой паровоз! – снова крикнула Пипа.

Завуч выпустил еще одну искру, и гимнастический конь быстро полетел против ветра, окруженный целой горой чемоданов. Не прошло и минуты – он был уже неразличим, сколько Дурневы ни прикладывали к глазам ладони козырьком.

– Ну вот и все! Как же мы теперь будем без Пипочки? – грустно промокая таксой глаза, сказала родительница.

– Не волнуйся, Пипа справится! Ты забываешь, чьи у нее гены, – страдальчески кусая губы, сказал отставной депутат, а ныне скромный Повелитель вампиров.

Но супруга была безутешна.

– Пипочка, как же мы без тебя? Хоть бы кто у нас остался! – всхлипывала она.

– Но-но, а вот этого, то ись, не надо!.. Не люблю! У вас остался я! – с возмущением заявил Халявий.

Внезапно он пошатнулся, взгляд у него затуманился, и оборотень, нашаривая подушку, выдал трагическим голосом:

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

Герман Никитич даже не оглянулся на часы. Он привык, что полуденный бес всегда вселяется в срок и без опозданий.

* * *

А на другой день утром к Дурневым прилетел купидон с первым письмом от их дочки. Мадам, не привыкшая к тому, как работает магическая почта, едва не рухнула с табуретки. Правда, вскоре она пришла в себя настолько, что нашла силы трясущимися руками отсыпать попискивающему от нетерпения почтальону полкулька мармелада. Купидон остался доволен и на радостях едва не влюбил ее в кондитерского короля Безюкина, язвенника, который двумя этажами выше хмуρο разглядывал образцы полиграфии для новой шоколадки.

Мамуль, папуль, привет! – писала Пипа. – Прошвырнулись нормально. Под конец я так достала Клепыча своими вопросами, что он едва не спрыгнул в океан. А когда долетели до острова, Клепыч сунул мне какой-то перстень (дешевка, больше тридцатки за него бы не дали) и говорит: «Скажи «Грааль Гардарика», но скажи громко и уверенно, чтобы было понятно, что ты здесь по полному праву».

Ну я и проорала – мне что, жалко, что ли? Даже психанула слегка, что меня могут на Буян не пустить. Жаль, что вы не видели, чего потом было! Замелькали радуги, засверкали молнии, заметались красные точки, и вообще грохоту было больше, чем когда Айседорка училась водить танк и нечаянно бабахнула из пушки по бензоколонке. Клепыча чуть не снесло, нас с конем кидануло вверх, а потом сразу вниз. Вообрази, Клепыч стоит около подъемного моста, колени у него трясутся, лицо синее, и он говорит мне: «Да, я вижу, ты здесь по полному праву!»

Теперь про саму школу. Громадная такая крепость, сто лет будешь ходить – не запомнишь, что где. Одна башня чего стоит: смотришь снизу – и крыши не видно. Удобства, правда, первобытные: ни ванны приличной, ни туалета нормального – все какое-то древнее и все на магии работает.

Чтобы из крана вода текла, надо говорить «Падус водопадус». А в душе надо говорить «Ручейкус журчалис». Я перепутала и сказала «Падус водопадус» в туалете, так меня потом водяные прибежали спасать.

А теперь прикиньте! Хотя Тибидохс огромный, живут все на одном этаже. Ни фиги себе архитектурка! Меня поселили в комнате с девицей, которую зовут

Рита Шито-Крыто. Дебильная фамилия, мне не нравится. Она начала было качать права, когда я завалила всю комнату своими вещами и слегка подвинула ее с ее барахлом. Она мне: «Ты тут что, магазин открывать собралась? У меня в голове не укладывается!» Я ей: «Не укладывается в голове – растяни вдоль спинного мозга!»

Ну мы с ней поцапались слегка – в семь вечера начали и до двенадцати ночи грызлись. Под конец даже циклопы пришли посмотреть, что случилось. Ну и уроды! Вообразите себе Котлеткина, но только без спецназа и «мерса», а обросшего свалывшейся шерстью, как линяющий бобик, одетого в шкуру и с единственным глазом посреди лба. Представили? А теперь укрупните то, что получилось, разика в два. Короче, я перепугалась жутко: одному всю морду расцарапала и по голени его лягнула. Он, правда, особо не проникся, даже не почувствовал! Я здорово взбесилась и как заору на них во весь голос, как на магнетизеров Пуппера. Стекла вдребезги, и не только стекла. В общем, циклопы разбежались от меня на четвереньках...

А Ритка меня потом сильно зауважала. Поняла, что из комнаты все равно не выжить. И что вы думаете, когда мы нормально поговорили, оказалось, прикольная девчонка. На картах Таро гадает, спиритизмом увлекается, с покойниками разговаривает... Круто! Папуль, завтра ночью мы вызовем Ивана Грозного, Иосифа Сталина, графа Дракулу и других твоих родственников по мелочи. Мне интересно спросить, чего они друг о друге думают.

А, да... Забыла сказать: чемоданов только семь. Один не добрался. Талисман, что ль, развязался по дороге. Никак не соображу, что там было, потому что не все еще разобрала. Все, папуль, мамуль, пока! Я к вам как-нибудь выберусь на каникулы. Спихните кому-нибудь этого тупого Халявия, пока я не вернулась.

Ваша Пенелопочка

Глава 4

Пипа, девушка с Хлеб-энд-Сол и влюбленный Жикин

Жора Жикин сидел у себя в комнате и, прикладывая ко лбу тяжелый медный пятак с курносый профилем царя Гороха, пролистывал записную книжку. Записная книжка была самая обычная, лопухоидная, телепортированная из магазина «Канцтовары» города Сызрани, мимо которого первый красавец Тибидохса как-то пролетал на швабре с пропеллером, возвращаясь с каникул.

Это уже позднее, когда Семь-Пень-Дыр сунул-таки в его книжку свой нос, Жикин заговорил ее, сделав так, что без произнесения особого заклинания книжка моментально превращалась в старую перчатку, грустно моргавшую, на радость шизофреникам, добрыми и умными глазами, располагавшимися у нее на каждом пальце.

Из записной книжки Жоры Жикина

8 января

19.00. Свидание с Гробыней (в оригинале нарисованы скрещенные кости).

19.00. Свидание с Ритой Шито-Крыто (РШК).

Блин! Опять наложилось! И как, интересно, я буду выкручиваться?

9 января

21.00. Свидание с Веркой Попугаевой.

10 января

Победа! Катя Лоткова назначила свидание на старом кладбище в час ночи.

11 января

Прождал на кладбище до рассвета. Едва не превратился в сосульку. Бегал вокруг памятников и свалился в пустую могилу. Лоткова так и не пришла. Говорит, что, мечтая о встрече со мной, нечаянно заснула и проспала всю ночь, видя меня во сне. Лестно, Чумиха меня побери!

12 января

20.15. Свидание с Дусей Пупсиковой.

На щеке появился прыщ. Давить нельзя – сразу новые появятся. Заклинание «Угреостистис мортале» использовать опасно! Прыщ-то исчезнет, но на этом месте начнет расти собачья шерсть. Катастрофа! Завтра я на больничном! В крайнем случае можно сходить на свидание с Попугаевой, но когда стемнеет. Попугаева любит таинственность.

14 января

20.00. Свидание с РШК. Собираюсь поцеловать.

15 января

Почти поцеловал РШК. Помешала девица, которая живет теперь с Риткой в комнате. Она всегда врывается без стука. Ее зовут Пенелопа Дурнева, но она требует (даже от Медузии – во дела!) называть ее Пипой. В профиль смахивает на жабу, но наглая, уверенная в себе и одевается лучше всех здесь. Некоторые девчонки перед ней заискивают, хотя в магии она ни бум-бум. Говорят, она родственница Гроттерши (это плохо), а папа у нее Повелитель вампиров (это классно).

Она в Тибидохсе недавно. Я слышал, как Сарданапал говорил Великой Зуби, что, видимо, с Пипой и малюткой Клоппиком придется заниматься отдельно. Для первого курса Пипа слишком взрослая (она всех там поубивает), а Клоппик слишком маленький.

Я тут подумал: может, ее тоже на свидание пригласить? Хотя она вроде говорит, что влюблена в Пуппера, а он в нее. Но то же самое утверждает и половина Тибидохса. И чего они в этом Пуппере нашли? Он какой-то точно пыльным мешком стукнутый. Ему, кроме Гроттерши и его метлы, все фиолетово. Нет, решено: приглашу, только выжду чуток. Если встречаешься сразу с двумя девицами из одной комнаты, они мигом все друг другу разбалтывают. Проверено!

16 января

ПОЦЕЛОВАЛ ШИТО-КРЫТО! ТРИУМФ! ОНА МЕНЯ ЛЮБИТ! ХОТЬ МЕЛОЧЬ,
А ПРИЯТНО (далее следуют двести двадцать два восклицательных знака).

17 января

Меня поцеловала РШК. Успех!

Преподы какие-то озабоченные. Не знаю толком, что у них там происходит, но они ужасно психуют. Поклепа уже дважды вызывали куда-то с урока. Циклопов лишили всех отгулов и ночью заставляют патрулировать остров. Из Тибидохса теперь не выскользнешь, просто осадное положение какое-то. Всякий раз приходится объяснять как, куда, зачем. Меня вся эта глупая таинственность уже забодала. Во остров! Ни месяца без неприятностей!

18 января

Меня снова поцеловала РШК... М-м, может, хватит? Не люблю слишком инициативных девиц.

19 января

Шито-Крыто бегала за мной весь вечер. Сорвала свидание со Склеповой и Пупсиковой.

20 января

РШК зашла ко мне, когда я целовал Пупсикову. Обе стали кричать и выпускать искры. Разнесли мне все в комнате. Это было кошмарно. И почему девчонки никогда не могут нормально дружить, вот чего я не понимаю? Ну поцеловал я другую, и что? Зачем визжать, будто у тебя кошелек украли?

21 января

Шито-Крыто караулит меня у дверей комнаты. Срочно поменял все входные заклинания, чтоб она больше не врывалась. Так она еще и стучит, даже ногами! Кто-нибудь, спасите меня от Шито-Крыто! Она меня достала! А-а-а-а!

22 января

Сходил к джинну Абдулле. Умолял его мне помочь. Он так смеялся, что у него глазки сползли на подбородок. Но потом все-таки обещал устроить, чтобы Шито-Крыто влюбилась в кого-нибудь другого. Абдулла намекнул, что знает заклинание (разумеется, запрещенное), когда девушка влюбляется в того парня, которого увидит первым... А вдруг она меня первым увидит и влюбится вдвое сильнее? Тогда все пропало! Нет, решено - запрюсь у себя в комнате и буду сидеть безвылазно.

24 января

Абдулла не обманул! Победа! Ритка любит Кузю Тузикова! И угораздило же его! Вечно он то с веника упадет, то дракон его проглотит. И теперь вот Шито-Крыто! Я свободен и счастлив!..

Попытался ради прикола назначить свидание Гроттерше. Она отказалась. При том я чувствую, что она не то чтобы меня презирает – совсем даже и не презирает, а просто меня для нее не существует. И это меня особенно бесит. Что она себе вообразила – что она красавица, что ли? Да таких, как она, тринадцать на дюжину!

15.00. Поцеловал Пупсикову.

16.00. Поцеловал Гробыню.

17.00. Поцеловал Попугаеву.

И ни одного прыщика! Вот она, долгожданная свобода!

25 января

Татьянин день. Вся школа веселится, даже препода все точно по триста лет скинули. Если бы не эта глупая таинственность с Тибидохсом, совсем было бы хорошо. А так понаставили кучу охранных заклинаний. Каждую ночь кто-то нарывається. Однажды даже сам Сарданапал на запук наткнулся. Потом целых три дня мигал как светофор.

Сегодня же Гроттерше стукнуло четырнадцать, хотя выглядит она уже на добрых пятнадцать. Беленькие надарили ей кучу подарков. Гусли-самогуды, непроигрывающие шашки и целый вагон всяких счастливых талисманов и фенечек. Таньке было так приятно, что она даже расплакалась. Не привыкла к такому вниманию, ясное дело. Даже Склепова расчувствовалась и подарила ей каблук от сапог-скороходов. Но это она не без умысла, точно. Вздумай Гроттерша приколотить этот каблук к какой-нибудь своей обуви, а потом сделать шаг – одна ее нога окажется за семь верст от другой.

Только Пипа ничего Таньке не подарила. «У меня, – говорит, – все вещи слишком новые и модные. Ты к таким все равно не привыкла». А Гроттерша ей: «Чтобы твои вещички на мне сидели, мне надо на живот привязать кусок сала, а сзади подушку». Сразу видно, сестренки...

По-моему, Гроттерша все еще не помирилась с Ванькой. Разговаривать они разговаривают, но как-то натянуто. Даже мне ясно, что Ванька любит ее, а она его. Любить – любят, а доверять – не доверяют. Чудики, одним словом! Вообще у Гроттерши не все в порядке с головой, я это давно заметил. Не человек, а еж какой-то, у которого вместо колючек принципы. Нет чтобы Пуппера к рукам прибрать, денежки его прикарманить, а там хоть с Ванькой встречаться, хоть со мной. Нет, она лучше будет Чума знает в чем ходить и на Ваньку дуться.

26 января

УРРРРЯ! Еще одно сердце разбито вдребезги! Лоткова согласилась на свидание. В 2 ночи на чердаке Башни Привидений. Наконец-то! Вылил на себя столько одеколона, что приперся Поклеп Поклепыч и заявил, что он нюхом чует, что я в комнате пьянствую!!! Совсем опух! Сам алкаш! (Слова, выделенные курсивом, в подлиннике зашифрованы и защищены сдвоенным заклинанием.)

27 января

Просидел на чердаке всю ночь. Лоткова так и не пришла, хотя я прождал ее до рассвета. Привидения гремели цепями, плакали, стонали – я чуть не повесился от тоски. Часа в четыре утра прилетела Недолеченная Дама, и все прочие привидения поспешно смотались. Они боятся ее похлеще Безглазого Ужаса. Тот может до смерти напугать, зато Дама всю душу выматывает. Мне она заявила, что собирается уйти от Ржевского, потому что тот отказывается носить адмиральский мундир. Она договорилась (а я так думаю просто доконала) с каким-то старым адмиралом, утонувшим лет триста назад в морской пучине. Адмирал отдал Ржевскому свой мундир, а тот его носить не хочет. Согласен только воткнуть себе в спину его адмиральский кортик, но тут уж Дама против.

Днем уснул на нежитеведении – и, пока спал, меня чуть не придушили мавки, которых Горгониха напустила полную аудиторию. А после урока я сам едва не придушил Лоткову. Она утверждает, что ждала меня на чердаке, но... на чердаке Большой Башни. Приятно, Чумиха меня раздери, что я пользуюсь успехом, да еще каким!

По-моему, Кузя Тузиков счастлив! Видел его сегодня: ходят с Шито-Крыто взявшись за ручки! Ну прям Ромео и Джульетта! Придурки!

28 января

Кошмарный день! Пишу, а у самого руки трясутся. Целовался с Гробыней. Нас застукал Гуня Гломов. Сам не пойму, как спасся. Я мчался по коридорам как заяц, а Гуня за мной. Еле успел нырнуть в свою комнату. Хорошо, что входное заклинание надежное, а то он бы дверь снес. Я дрожал за дверью, а он бил в нее кулаками и ревел как медведь.

Ну Склеп, какую подлянку мне устроила! Когда Гуня вошел и еще ничего не понял, я хотел отскочить, а она специально у меня на шее повисла, а потом еще ржала! Она-то Гломова не боится и вообще плюет на него – вытворяет с ним что хочет. С другой стороны, это ведь Гробыня перетаскивает Гломова с курса на курс. Шпоры за него пишет, подсказывает. Пока она в школу не пришла, он только и умел что на второй год оставаться. А сейчас уже на четвертом курсе. Вот и пойми этих девчонок!

29 января

Продолжение кошмара. Все свидания отменились. Даже на занятия не хожу. Я на осадном положении. Сижусь, запершись в комнате, а Гломов барабанит ногами в дверь и кричит, что хочет сделать мне пластическую операцию носа.

30 января

Сегодня я неосторожно решился сходить на снятие сглаза (а что делать: прогуляешь – Зуби запук какой-нибудь напустит) и прямо у дверей аудитории угодил в лапы Гломову. Попытался вырваться – но разве у него вырвешься? Гуня от радости чуть не ополоумел. Хрипит: «Ну все! Только не дергайся! Это будет больно, но справедливо!»

Я закрыл глаза, чтобы не страшно было. Жду, жду, потом открываю тихонько один глаз. Смотрю, плывут под ручку Пипа и Гробыня. Обе воркуют, ну прям лучшие подружки. Гуня весь расплылся, даже кулак опустил.

«Отпусти его, Гуня! – говорит Склепова. – Смотри, Пипа, Жикин – наша тибидохская достопримечательность. В него влюблены все, кто не влюблен в Пуппера. А будь он богат как Пуппер и летай на швабре чуть получше, были бы влюблены совсем все... А ты, Гломов, учти: если ты ему нос повредишь – история тебе этого не простит, а я тебе на экзаменах помогать не буду». Гломов меня и отпустил, только коленкой сзади толкнул. Теперь приходится писать стоя.

А Пипа ничего не сказала, только зыркнула на меня с большим интересом. Нет, точно приглашу ее на свидание. Я уже решился.

1 февраля

Ну и ночка! Лоткова назначила свидание в 3 часа у Жутких Ворот. Ждал ее там с трех до рассвета – играл с циклопами в карты на щелбаны. Лучше б я этого не делал – весь лоб в шишках, чуть дебилем меня не сделали. Ворота все время трясутся – то разогреваются чуть не докрасна, а то такой холод собачий от них идет – окоченеешь. Циклопы говорят, не к добру это, когда хаос так бушует. Когда такое бывает, что-то обязательно должно случиться. Сколько я в этой придурочной школе учусь – вечно тут что-то случается.

А утром всплыло ужасное, мерзкое коварство! Оказалось, пока циклопы выбивали из меня последние мозги, вероломная Лоткова каталась на пылесосе с Баб-Ягуном! Вот и верь после этого девушкам!.. Все, хватит с меня Лотковой! Ненавижу тех, кто хитрее меня!

2 февраля

Ухаживаю за Пенелопой Дурневой. Проулыбался Пипе всю историю Потусторонних Миров, а уже перед звонком послал ей записочку с приглашением на свидание. У меня еще осталось штук пять записок из той партии, что я готовил под копирку. Текст уже есть, надо только вписать имя

и время.

Кстати, Безглазый Ужас был сегодня не в духе. Так взбесился, что едва не закидал аудиторию своими внутренностями. Никак не пойму, кто тупее: он сам или его шутки. Скоро небось полнолуние.

Хорошая новость: окончательно помирился с Гуней. Выпили с ним настойки из корней одолень-травы. Оба расчувствовались. Гуня попросил называть его Гунием. Он это имя сам себе придумал и страшно им гордится. Сказал: если кто на тебя полезет – только скажи. На всякий случай настучал Гуне (тьфу ты, Гунию) на Семь-Пень-Дыра. Этот тип мне никогда не нравился... Ну все, мне пора! Бегу встречаться с Пипой!..

Жикин отложил перо, подошел к зеркалу и, с удовольствием разглядывая свое смуглое лицо, принялся репетировать фразу «Привет, детка! Ты сегодня классно выглядишь!». Этой фразой, которую Жора считал безукоризненной во всех отношениях, он надеялся сразить Пипу наповал.

Записной донжуан Тибидохса не ведал, что в этот момент Пипа, в свою очередь собиравшаяся на свидание, внезапно ощутила неясное беспокойство. Ее сердце сладко екнуло. Пипа пошатнулась. Душа облилась медом. В глазах заплясали купидончики в красных широких подтяжках. И, как ни странно – а девичье сердце здесь не обманешь, – смуглый красавчик Жора не имел к этой пляске купидончиков никакого отношения. Стоило Пипе закрыть глаза, перед ней сразу появлялся другой – аккуратный и положительный юный англичанин в плащике, с добрыми глазами и без единого прыщика.

«Что это со мной? А, я поняла! Пупперчик добрался до моих ползунков и шаманит с магией вуду. Жаль, я не попросила у него взамен какой-нибудь плащик или хотя бы старые очки. Я попросила бы Ритку или Абдуллу, и мы бы поймали его на встречной магии», – с нежностью подумала Пипа.

* * *

Февраль, февраль... Холодная вьюга закружила Тибидохс, замела мысли, запуржила сердца. Поклеп Поклепыч свирепствовал и придирался к ученикам без всякого повода. Домашние задания были такими, что добрая половина

перемены уходила на то, чтобы их просто записать. Для того же, чтобы все сделать, не хватало часто и ночи.

Помимо заданий Поклеп велел старшекурсникам заняться изготовлением тяжелых магических кольчуг. На каждый из тысячи кольчужных узлов требовалось наговорить около семидесяти основных заклинаний и еще около десятка добавочных.

Семь-Пень-Дыр, Верка Попугаева и Гуня Гломов приуныли и просились назад к лопухоидам.

«К лопухоидам нельзя, а вот за Жуткие Ворота – в два счета!» – с нехорошей улыбкой говорил им Поклеп, от которого пахло особым русалочьим одеколоном: по запаху и по сути – смесью рыбьего жира, ушной серы и коктейля Молотова.

Даже Шурасик, которого почти невозможно было перегрузить, негодовал и предлагал переименовать «защиту от духов» в «защиту от Поклеп Поклепыча». Правда, это не помешало ему, кроме кольчуги, сплести себе еще магические брюки и магическую кольчужную панамку для теплого времени года. Когда же Поклеп, усомнившийся в добросовестности Шурасика, вздумал проверить его, оказалось, что тот наговорил на каждый узел даже не по семьдесят заклинаний, а по сто двадцать.

Великая Зуби, без памяти влюбленная в своего пробудившегося красавца, пребывала в странно рассеянном состоянии. Она неопределенно улыбалась в окно, время от времени забывала тему урока и уже не сглаживала учеников с прежним рвением. На ее занятиях стали даже появляться прогульщики, чего раньше быть просто не могло. Зато когда Верка Попугаева сдуру лягнула, что Готфрид Бульонский страшный как крокодил, Ягге полдня спасала ее от почти необратимого запуга. Верка же кашляла и отплевывалась, точно давясь чем-то.

– Сама не знаю, как это вышло... Я просто очень захотела, чтобы девчонка взяла свои слова назад! – виновато говорила Зубодериха.

Безглазый Ужас, как часто с ним случалось зимой, нес совершенную околесицу и путал все века. Иногда, особенно после лунных ночей, когда он звенел своими кандалами, Ужас забывал в подвале свои мозги и тогда просто молча стоял,

буравя огненными провалами глазниц стену.

Лекции Сарданапала, к счастью для учеников, были по-прежнему необременительны. Уроки он задавал умеренно, отдавая предпочтение сочинениям на темы, связанные с магической этикой, и гороскопам различных исторических деятелей, вроде королей Карла IX, Людовика XIV, царя Ивана Грозного и византийского императора Константина Багрянородного, с большинством из которых академик был знаком лично.

Медузия Горгонова решила, что наступила пора переходить к объединенным заклинаниям, о чем вскользь и без дальнейших разъяснений сообщила четвертому курсу. Вначале никто особенно не напрягся. Длинные и нудные заклинания с затуманенным смыслом ученики записывали неохотно, а учили еще неохотнее. Медузия не придиралась, а лишь таинственно улыбалась. Как выяснилось, она просто ждала практических занятий. Когда же они наконец начались, все просто взвыли.

– Объединенные заклинания... Ладно, думаю, раз Поклепа пережили – и это переживем! А она как напустит и хмырей, и полтергейстов, и полудниц... От них отбиваешься, а из-под пола мертвяки лезут. Ой, мамочка моя бабуся, бабахните меня кто-нибудь «Капут тынетутом», чтоб я не мучился! – взхлеб рассказывал младшекурсникам расцарапанный Баб-Ягун.

В Тибидохсе было невесело, а снаружи еще грустнее. По сугробам, поскрипывая валенками, ходили циклопы с секирами. В шапках-ушанках и тулупах эти русифицированные греки выглядели нелепо. Большие греческие носы грустно леденели, а их отмороженные кончики покрывались изморозью. Циклопы грустно вздыхали, вспоминая о виноградниках и овечьих стадах своего родного края.

Изредка циклопы усиливались ударным отрядом из тридцати трех богатырей и обходили остров Буян по побережью, от северной заставы до южной, проверяя целостность магической защиты. Трещины и проломы появлялись теперь регулярно. Они были огромными, с неровными краями, словно кто-то незримый, ногами проносясь снаружи купола, осыпал его чудовищной силы ударами. Никакая магия не выдерживала.

Пожизненно-посмертный глава Тибидохса достопочтеннейший академик Черноморов обычно сопровождал отряд на ковре-самолете, так как с 1405 года страдал от подагры. Причем он сам порой сомневался, был ли это 1405 год нашей эры или до нашей эры. Из-за подагры ходить по снегу Сарданапал не любил. Длинная борода, которую Медузия порой, по вавилонскому обычаю, заплетала академику во множество косичек, развевалась по воздуху, а разноцветные усы с обледеневшими кончиками топорщились и свистели на ветру.

Усы служили Сарданапалу надежным магическим сканером. При приближении к пролomu в куполе они начинали вздрагивать и быстро вращаться. Сарданапал зависал на ковре и внимательно осматривал место, куда усы указывают своими кончиками. Потом подлетал ближе и ощупывал края.

Так было и в тот день, когда Жора Жикин, любя себя, красивого, готовился к свиданию, Пуппер отправился с ползунками к известной в Англии ворожее (об этом чуть позднее), а Пипа мечтала о большой и чистой любви.

В этот самый день, утром, Поклеп Поклепыч пробирался по глубокому снегу. За его спиной маячили циклопы, а за циклопами, ощетинившись длинными копьями, двигались тридцать три богатыря – главная рать острова Буяна. Дубыня, Усыня и Горыня тащились в отдалении и ныли, что они больше не будут.

После недавнего скандала, когда в лесу стали пропадать златорогие олени, а Усыня, покупая на Лысой Горе спирт, расплатился серебряным копытцем, терпение Сарданапала лопнуло, и он отправил всю троицу в отставку, попутно наложив на нее заклинание трезвости. Разумеется, из Тибидохса богатыри-вышибалы никуда не ушли и, утомленные продолжительной трезвостью, толклись поблизости, пользуясь всяким поводом, чтобы попасться академику на глаза и ударить челом.

– Невероятно! Иди сюда, Поклеп! Как я могу верить другим, когда я не верю самому себе?! – воскликнул Сарданапал, ощупывая края очередной трещины.

– Руки бы поотрубал! Это может быть кто угодно! – хмуро заявил Поклеп.

– Сомневаюсь, – покачал головой Сарданапал.

Поклеп поморщился. Его обрюзгшее лицо дрогнуло как желе. Мешки под глазами язвительно набрякли.

- Почему? Вы снова пытаетесь верить в порядочность, академик?

- Разумеется. Без веры нет жизни... Без веры мы все марионетки, движимые нелепым сочетанием молекул, сокращением мышц, нервными импульсами и хаотичными переливами магии. Если же все так печально, как ты говоришь, то остается позавидовать мертвякам, уже сбежавшим от этой пустой суеты. Если же вера есть, ты шагаешь из мира в мир, широко распахивая двери и зажигая новые звезды точно фонарщик фонари.

- Вы романтик, академик! - укоризненно сказал завуч.

- А ты старый сухарь, Поклеп!

Завуч передернулся:

- Это я-то старый? Да я моложе вас не знаю на сколько тысяч лет!

- Тем не менее ты сухарь... Бесконечно старый и даже, пожалуй, заплесневевший. Если бы не твоя любовь к русалке, ты был бы совсем безнадежен. Да и то эта любовь, пожалуй, заслуга купидонов. А ты только отравляешь ее ревностью, - вздохнул академик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-molot-peruna

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)